

Юлиана Лебединская, Игорь Вереснев, Николай Немытов
Елена Красносельская, Олег Силин, Юлия Скурнис

**НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА**

Фимбулвинтер

Пленники бирюзы

Если наступает фимбулвинтер, **значит, скоро рагнарёк**

Юлиана Лебединская

Фимбулвинтер. Пленники бирюзы

«Снежный Ком»

2013

Лебединская Ю.

Фимбулвинтер. Пленники бирюзы / Ю. Лебединская —
«Снежный Ком», 2013

Серьёзное коллективное творчество – не такая уж редкость в нашей фантастике. Вспомним хотя бы «Пentakль» Олди, Дяченко и Валентинова или недавно вышедший «Кетополис». Книга, которую вы держите в руках – плод совместных усилий дерзкой команды литературного семинара «Партенит». Некоторые из авторов уже имеют сольные книги, иные успели отметиться только рассказами и повестями в сборниках. А всему виной – Андрей Валентинов, сподвигший их на эту авантюру! Кто такой лифтёр? Нет, не тот, кто вы подумали. Лифтёры – смотрители межпространственных тоннелей, они же – техники. Однако их всё меньше, а беспечное человечество будущего привыкло жить, не думая о завтрашнем дне. Но завтрашний день не забыл о человечестве.

© Лебединская Ю., 2013

© Снежный Ком, 2013

Содержание

Часть первая. Айна	5
Глава первая. В трёх минутах от дома	5
Глава вторая. Бабочка	19
Глава третья. Истории Айны Лири	34
Глава четвёртая. Мечта	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юлиана Лебединская, Елена Красносельская, Николай Немытов, Игорь Вереснев, Юлия Скуркис, Олег Силин Фимбулвинтер. Пленники бирюзы

Часть первая. Айна

Глава первая. В трёх минутах от дома

Комм легонько ужалил в запястье. Поторапливал, стервец! Лой покосился на него, пробубнил под нос: «Да знаю я, знаю». До начала сессии оставалось ровно двадцать минут. И означало это, что он, Лой Карев, опаздывает. В который раз! И Вердана будет укоризненно смотреть на него, кривить тонкие губы, отчитывать: «Лой, ты же мне обещал. Ты же клялся! Я доверила тебе маджента-колор, а ты всех нас подвёл. Сколько можно?!» Да, подвёл. Но он же не специально, просто так получилось! Позволил себе понежиться лишних полчаса в мягкой, пахнущей фиалками и розами пене. Человеку свойственно потакать своим слабостям. Человек – существо высокоорганизованное, тонкое и чувственное. Он не может...

Комм снова ужалил. Лой в сердцах рыкнул на него. Да, веская причина для опоздания у него есть. Но Вердана, а тем более запрограммированный ею собственноручно коммуникатор, считаться с такой причиной не будут.

– Сушить! – скомандовал он.

Душевое облако исчезло, в кожу ударили тугие струи сухого горячего воздуха. Не дожидаясь, пока капельки влаги испарятся, Лой открыл дверь, выскочил из ванной комнаты. Надевать пижаму не стал – некогда! – сразу метнулся в столовую. Хотя... какая столовая, на завтрак времени не осталось. Сейчас этот дурацкий комм опять торопить начнёт!

– Кофе! – крикнул он в услужливую пустоту квартиры, и как только источающая аромат чашечка материализовалась над обеденным столом, схватил её, отхлебнул... – Ах ты ж!

Забыл предупредить, чтобы остудили! Хватая обожжённым ртом воздух, Лой швырнул чашку на пол и ринулся в гардеробную.

Клоуз-модельер, будто чувствуя настроение хозяина, поспешно распахнул дверцу. Лой заскочил внутрь, уставился на сенсор-панель в полстены. Нет, наряжаться он не станет, это искушение сумеет перебороть! Закажет стандарт серо-голубой с ультрамариновыми стразами, и пусть девицы с пинк-саунда хихикают за спиной хоть всю сессию. Какое ему до них дело!

Паучки прыгнули с потолка, едва палец коснулся сенсора на панели. Сноровисто засуетились, принялись ткать гольфы, рейтузы, жилет.

– Быстрее, ребята, быстрее! – прикрикнул Лой.

Разумеется, паучки не поняли, натаскивать модельера на голосовые команды – это уж слишком. Но эмоциональный фон, видимо, ощутили, забегали проворнее. Спустя пять минут костюм был готов. Лой оглядел себя в зеркале, хмыкнул и вышел из шкафа.

Пока он одевался, робоуборщики подчистили осколки и кофейную лужу. Молодцы, не ленятся сегодня. Хоть что-то хорошее за всё утро! Лой улыбнулся, и тут комм цапнул за запястье. На сей раз от души! Последнее предупреждение: до начала сессии – десять минут. Все уже наверняка собрались, настраивают инструменты, а он до сих пор не вышел из квартиры.

– Да иду я, иду! – рывкнул Лой и поспешил в коридор.

Дверь лифта распалась бисеринками, открывая залитое белым светом нутро кабины. Всё же у «заботливости» Верданы было одно преимущество – адрес вводить не надо. Запрограммированный надлежащим образом комм не пустит хозяина никуда, кроме пункта назначения. Даже отклониться от маршрута не позволит. А он и не собирается отклоняться. Дорога от квартиры до Коллизиума занимала со всеми перекоммутациями три минуты. Значит, в этот раз он не опоздает!

Лой шагнул в кабину. Дверь за спиной тут же вернула себе непробиваемую прочность, свет замерцал и погас, обрушивая на пассажира непроглядную темень. На миг к горлу подкатила тошнота невесомости, – когда техники справятся с этой напастью?! – и внезапно Лой услышал... Спрашивается, что можно услышать в транспорт-кабине? Тем не менее он вполне отчётливо различил мелодию. Кто-то насвистывал незамысловатый мотивчик, в который вклинивался то ли хрип, то ли шёпот. Трам-парам-хро-о-оно-пам... «Зачем там хроно?» – поймал себя Лой на бессмысленном вопросе. Впрочем, о чём только не начнёшь думать, лишь бы отвлечься от эффекта невесомости.

В следующую секунду темнота и тошнота отпустили. Вспыхнувший свет был не ярко-белым, как всегда во время поездки, а обычным, домашним, чуть приглушённым, приятным для глаза. Но мало ли из-за чего? Лой стоял и терпеливо ждал продолжения путешествия – это только первый узел, их в маршруте пять.

Однако время шло, а ничего не происходило, перекоммутация затягивалась. Что за напасть? Он взглянул на экран комм и, к своему удивлению, обнаружил, что тот пуст. Помедлил, коснулся пальцем табло ввода адреса...

– Не старайтесь, бесполезно, – сообщили из-за спины.

Лой обернулся. В маленьком овальном помещении транспорт-площадки толпились ещё пять человек: поблёскивающий голым черепом атлет в праздничном белом трико, две женщины – блондинка в длинной полупрозрачной тунике, подвязанной серебристым кушаком, такая тонкая и хрупкая, что и сама казалась полупрозрачной, пухленькая шатенка в пижаме из пурпурного шёлка, и двое мальчишек лет десяти-одиннадцати, один курносый и белобрысый, второй – смуглый и чернявый.

– Вот теперь все в сборе, – произнёс атлет. – Полный комплект.

– Что значит «полный комплект»?! – взвизгнула шатенка.

– Посадочная площадка сафари-парка «Изумрудная Долина» вмещает шесть человек. Нас шестеро, следовательно, в этом месте кабина лифта на выход работать больше не будет, пока кто-то не покинет помещение. А на вход она и так не работает.

– Какой сафари-парк? – не поняла шатенка.

И Лой не понял. И остальные присутствующие, пожалуй, тоже.

– Этот самый, куда нас «привезло».

Атлет обернулся и широким жестом указал на противоположную стену комнатки. Там, над дверью, ярко светилось приветствие: «Добро пожаловать в сафари-парк «Изумрудная Долина»!» И чуть ниже, маленькими буквами: «Вход только в сопровождении проводника».

– Но я не в сафари-парк ехала, – брови блондинки приподнялись, и Лою её лицо вдруг показалось знакомым, да и ипо¹ зелёно-холодный... – Я вообще о нём никогда не слышала.

– Боюсь, никто из нас не планировал это развлечение. Какой-то сбой в работе транспортной системы, по-видимому. Но раз мы оказались коллегами по несчастью, предлагаю познакомиться. Я – Марк Сейвер.

– Лой Карев, – машинально назвал в ответ Лой.

Он всё ещё не мог осознать, что происходит.

¹ Ипо – индекс популярности.

– Меня зовут Ялик, – заявил белобрысый мальчишка и ткнул пальцем в грудь приятеля, – а его – Рамир.

– Айна Лири, – блондинка улыбнулась уголками губ, опустив на миг длинные, припорошённые серебристым инеем ресницы.

И Лой её узнал!

– Вы – Айрилл! Вы ведёте утреннее бриз-шоу на Радужном канале гипно-тиви!

Женщина тихо засмеялась, будто зазвенели маленькие серебряные колокольчики, мило и без всякого кокетства. Кивнула, соглашаясь с тем, что её инкогнито раскрыто. И сказала неожиданно:

– Знаете, я никогда не думала, что лифт может сломаться. Это ведь такой простой и надёжный способ передвижения.

– Увы! Видимо, совершенство недостижимо, – пожал плечами Сейвер. Посмотрел на шатенку. – А вас как зовут?

– Рива, – буркнула та под нос.

– Просто Рива?

– Да! Я не знакомлюсь с первыми встречными. И не понимаю, что происходит! Как я здесь оказалась? Я не выходила из дому. Я... Мне всего лишь нужно было на минутку заглянуть к соседям.

Тут она сообразила, что стоит в пижаме, и густо покраснела:

– Безобразие какое-то! Я не намерена тратить время из-за чьей-то безалаберности. Меня ждут!

– В самом деле, – поддержала её Айрилл, – что нам теперь делать?

И женщины, и мальчишки смотрели на Сейвера, будто всё зависело от одного его слова. И Лой посмотрел. Атлет и впрямь производил впечатление человека знающего и опытного. Ещё бы, индекс популярности в сине-фиолетовой части спектра! Лой со своим янтарным ипо о таком даже и не мечтал.

– Вариантов, собственно, два, – начал Сейвер. – Ждать, когда техники нас отсюда вызволят, или...

– И сколько ждать? – перебила Рива.

– Вот этого я не знаю. Хуже всего, что стандартные коммуникаторы в «Изумрудной Долине» не работают. Особенности местной тропосферы. А специальных, адаптированных, ни у кого из нас при себе нет, насколько я понимаю. То есть мы полностью отрезаны от мира.

Лой объяснения не понял, но оно ему не понравилось. В нём было что-то такое, о чём лучше не задумываться.

– Какие ещё предложения? – поинтересовалась Айрилл.

– Здесь неподалёку есть вторая посадочная площадка. Можем прогуляться туда. – Сейвер помолчал, ожидая реакции. Не дождавшись, добавил: – Видите ли, у меня сегодня ответственное соревнование, не хочу на него опоздать. Потому намерен воспользоваться именно вторым вариантом.

– А у меня запись, и я бы тоже не хотела опаздывать, – вздохнула Айрилл.

– И мы, и мы спешим! – завопил Ялик. – У нас сегодня... важная экскурсия! Если мы на неё опоздаем, то не сможем написать отчёт. И триместр нам не засчитают!

Лой грустно улыбнулся. У всех была причина торопиться. Только он уже никуда не спешил. Он таки опоздал на сессию, и Вердана не станет слушать оправданий. Просто-напросто убьёт его. Она бы уже это сделала, если бы не... – вспомнился умный термин – ... особенности тропосферы.

– Нам не обязательно идти всем вместе, – сказал Сейвер. – Кто не спешит, может остаться и подождать. Надеюсь, техники достаточно быстро обнаружат неисправность. Не сегодня, так завтра.

Переться через неведомый парк Лою не хотелось. Но сидеть одному в этой скорлупке целые сутки... Он кивнул:

– Ладно, я как все. Только там написано: «Вход в сопровождении проводника».

Сейвер снисходительно взглянул на его ипо.

– Юноша, я за свою долгую жизнь успел раз двадцать поохотиться в «Изумрудной Долине». Знаю её не хуже собственной квартиры. Можете считать меня проводником.

Он ткнул всей пятернёй в сенсор-панель, и дверь послушно отступила.

«Изумрудная Долина» оправдывала своё название. Лой зажмурился от неправдоподобно-сочной зелени, что противоречила всем законам гармонии. И от яркого, огромного солнца, сияющего над головой. Но тут мальчишки радостно завопили, ринулись вперёд, остальные поспешили за ними. Пришлось открывать глаза и идти.

Снаружи посадочная площадка выглядела огромным замшелым валуном у подножья холма. Дверь выпустила людей и заросла, не оставив и щёлки. Если бы не мигающий ярким светом маячок, то и не понять, где вход. Не определить, что здесь вообще есть вход в цивилизованный мир! Будто они и правда оказались в диком, доисторическом месте, а не в городском парке. Лой даже поёжился. И попробовал вспомнить, когда в последний раз выходил под открытое небо. Получалось, что после школьных экскурсий – никогда.

В полусотне шагов начинался лес. Начинался как-то сразу, зелёной стеной деревьев, непролазным кустарником, подозрительным полумраком под густыми кронами. Ялик и Рамир подбежали к опушке, не останавливаясь, вломились в заросли. И остальные были на полпути к лесу. Впереди шёл Сейвер, поддерживая под руку Айрилл, Рива плелась в нескольких метрах за ними. Идти замыкающим, спиной ощущать пустоту, Лой не хотел, потому прибавил шаг и догнал спутников раньше, чем они ступили под сень деревьев.

Сейвер болтал без умолку, описывая Айрилл былые похождения и подвиги. Лой начал прислушиваться, но вскоре потерял нить повествования. Прогулка через лес оказалась далеко не простым занятием. Хоть заросли и были вполне проходимы, но, чтобы огибать все эти кусты, ветви и сучья, норовящие вцепиться в одежду, а то и глаз выколоть, чтобы переступить через кочки и коряги, требовалось сосредоточить всё внимание. Нет, избавьте меня от таких прогулок!

В ботанике Лой не разбирался, ни одно растение узнать не смог. Но даже он быстро понял, насколько разнообразна здесь флора. И это тоже угнетало рафинированное восприятие эстета. Разнообразие форм противоречило откровенной недостаточности цветового спектра. Здесь почти всё было зелёным: трава, листья, молодые побеги деревьев и кустарников, – редкие пятнышки цветков только подчёркивали убогость. А запахи? Они были слишком резкими, неприятными, вынуждали то и дело морщить нос и чихать. И звуки... Хотя их как раз было немного – шорох шагов, хруст сухих ветвей под ногами, шелест раздвигаемой листвы, голоса людей. Звуков, принадлежащих исключительно этому месту, почти не было. Лой только порадовался такому обстоятельству – лучше уж тишина, чем какофония. Его утончённой натуре хватало пыток цветом и запахом.

А вот спутники Лоя эстетических мучений не испытывали. Особенно мальчишки. Те раздобыли где-то сухие сучковатые палки и теперь носились вокруг, то и дело тыкая везде самодельными щупами. В конце концов Сейвер даже прикрикнул на них:

– Ребята, осторожнее! Не ровён час, нарвётесь на кого не надо. Здесь и хищники водятся, между прочим!

– Хищники?! – тут же ухватилась за его слова Айрилл. – Ой, как интересно! А вы их видели?

– Не только видел. Лет двадцать назад я здесь неподалёку добыл прекрасный экземпляр тигропитона.

– Я знаю, знаю, кто это! – заорал, подбегая к ним, Ялик. – У меня по зоологии самый высокий рейтинг в гимназиуме. Это такие рыжие, полосатые, с четырьмя ногами. В древности их приручали и держали как домашних любимцев.

– Марк, надеюсь, вы не убивали этих зверушек? – нахмурилась Айрилл. – Предупреждаю, я активистка Фонда защиты дикой флоры и фауны.

– Э-э-э... – Сейвер растерялся под таким напором. – Это не совсем тот зверь, о котором... Разумеется, я его не убивал! Охота с разрушающим оружием запрещена, вы же знаете.

Лой понятия не имел, что собой представляет тигропитон. Но встречаться ни с ним, ни с каким другим зверьём ему не хотелось. Пока что лес выглядел пустым. Изредка мелькнёт что-то непонятное в густой кроне, прошуршит еле слышно в кустах. А может, и не было ничего, показалось? Лой не присматривался. Его заботило совершенно иное. Он мечтал обнаружить в кармане случайно завалявшийся тюбик дезодоранта. Солнечные лучи едва пробивались сквозь листву, но в лесу всё равно было жарко и душно. Пот заливал лицо, тёк по спине и груди, рейтузы покрылись влажными пятнами. Но самое отвратительное – пот вонял!

А ещё Лою хотелось пить. Несколько глотков самой обыкновенной воды. Не верилось, что всего час назад, у себя в квартире, он мог пить воду сколько угодно – и не делал этого.

Жажда мучила не только Лоя. Но, в отличие от него, Рива молча терпеть не собиралась.

– Послушайте, а где здесь можно найти какое-нибудь питьё? – перебила она охотника, вновь пустившегося в рассказ о своих подвигах.

Сейвер замедлил шаг, потом и вовсе остановился, задумчиво посмотрел по сторонам.

– Здесь неподалёку течёт река.

– И что из того? – не поняла Рива. – Не предлагаете же вы нам хлебать из реки?

– Почему нет? Вода в ней вполне пригодна для употребления.

– А вы сами её «употребляли»?

– Нет, но...

Он не успел договорить – из-за кустов донёсся радостный вопль Ялика:

– Ура! Вода! Мы воду нашли!

Это оказалась не река, а ручей в полметра шириной. Не спрашивая разрешения, мальчишки плюхнулись на четвереньки и принялись лакать, будто животные. Это было гадко! Лой хотел возмутиться, но остальные молчали. Стояли и наблюдали за детьми.

А далее случилось неожиданное. Айрилл присела, зачерпнула в ладони воду, поднесла к губам... и начала пить! Лой видел, как округлились глаза у Ривы, как растерянно потёр мясистый потный затылок Сейвер. Лой был потрясён! Изысканная, рафинированная ведущая гипно-тиви зачерпывала и пила. Облизывая губы, жмурясь от удовольствия, нимало не заботясь о том, что капли из ладоней срываются на тунику, что хрустальные сандалии испачкались в грязи. Лою вдруг показалось, что тёмно-зелёный нимб у неё над головой – не вирт-проекция ипо, а веночек, сплетённый из листьев. Он даже моргнул, отгоняя дурацкую иллюзию. Но иллюзия не отпускала. И тогда Лой, сам не веря, что он это делает, опустился рядом на колени и тоже зачерпнул воду.

Вода оказалась холодной и... вкусной! В ней не чувствовалось ароматических добавок и воздействия ионизаторов, она была бесхитростна и банальна. Но какая же вкусная!

Пили из ручья все. Потом умывались, мальчишки разделись по пояс и обливали друг друга. Лою хотелось снять жилет и последовать их примеру, но он воздержался. Это было бы верхом неприличия.

Идти стало легче. Лес больше не казался таким отвратительным. Лой готов был смириться с примитивными цветом и запахом. Да и жара вроде начала спадать. А спустя ещё полчаса они вышли на берег реки, о которой помнил Сейвер. Здесь, на открытом месте, Лой с

удивлением заметил, что солнце больше не стоит в зените, а весьма заметно опустилось к кронам деревьев на противоположном берегу. День заканчивался. Почему так быстро?

– И как мы переберёмся? – поинтересовалась Айрилл у охотника. – Где мост?

– Вон он!

Сейвер кивнул на толстый ствол упавшего поперёк реки дерева в сотне метров выше по течению.

– Вы шутите?

Лой тоже решил, что это шутка. Река была широкой и глубокой, берег, на котором они стояли, обрывался отвесным пятиметровым уступом. Рухнувшее дерево когда-то росло над самым обрывом, но река, видимо, подмыла корни и свалила гиганта. Так что теперь вянущая крона его мокла в воде, макушкой касаясь пологого берега.

Но Сейвер не шутил. Он обогнул вспучившиеся корни, ловко запрыгнул на ствол, уверенно балансируя руками, пробежал до первых ветвей, ухватился за них и вскоре стоял на другом берегу.

– Идите сюда! Это легко!

Мальчишки ждать повторного приглашения не стали. С радостным гиканьем подбежали к стволу, вскарабкались на него... Нет, так лихо, как у охотника, у них не вышло. Ближе к середине реки Ялик вдруг взмахнул руками, завопил, уже не радостно, а испуганно, и... Лой поспешно зажмурился. Но ничего страшного не случилось. Когда он открыл глаза, мальчишки стояли рядом с Сейвером и призывно махали руками.

Следующей была Рива. Она хотела перейти по бревну, как охотник и мальчишки, но с первым же шагом отказалась от подобной затеи. Поколебавшись несколько секунд, опустилась на четвереньки – так переправляться оказалось куда проще и безопасней. Такой способ и Лою понравился больше.

Между тем по эту сторону реки теперь были только они с Айрилл.

– Идите сначала вы, – предложил Лой. – Не хочу, чтобы вы оставались одна. Марк говорит, здесь водятся хищники.

Он постарался изобразить мужественную улыбку, как подобает благородному рыцарю. Но ему и самому не хотелось оставаться среди непроглядных зелёных зарослей!

Айрилл воспользовалась методом Ривы. Поначалу казалось, что и она так же легко переправится на тот берег. Но Рива была обута в мягкие тапочки, Айрилл же – в сандалии с жёсткой подошвой. Почти сразу она поскользнулась, с трудом удержалась за ствол. Затем снова поскользнулась, и снова.

На том берегу больше не кричали, не торопили, не махали призывно. Ждали, затаив дыхание. И Лой ждал. «Ещё чуть-чуть, ещё, совсем ведь немного», – бормотал, нервно хрустя пальцами. Как здорово, что сам он решил сегодня не наряжаться! Прочные гольфы и прогулку по лесу доблестно выдержали, и для лазанья по дереву подходили идеально.

Айрилл наконец добралась до первой ветви. Осторожно приподнялась, оторвала руки от ствола. Лой замер. Айрилл дотянулась, вцепилась в ветку. Шагнула, перехватила следующую, уже смелей... и вдруг что-то маленькое, серо-зелёное, похожее на листок, выпорхнуло из самой гущи кроны! Айрилл отпрянула, ноги соскользнули со ствола. Она уцепилась за ветку, повисла, пытаясь удержаться, ступни в злополучных сандалиях коснулись воды, заколошматили по ней.

– Помогите! Да помогите же! – закричала она, крутя головой в поисках спасения.

Лой растерялся. Нет, он понимал, что нужно делать: запрыгнуть на ствол и мчаться на помощь, быстро и красиво, как подобает мужественному рыцарю.

Только мчаться он не мог. Ползти на четвереньках – ещё так-сяк. Но не бежать.

С другого берега на помощь ринулся Сейвер. Ему было даже ближе, чем Лою. Но протиснуться сквозь густые переплетённые ветви с ходу не получалось. Айрилл судорожно дёрну-

лась раз, другой. Но пальцы её были слишком слабыми, чтобы удержать вес тела, даже такого лёгкого и воздушного. Они разжимались сами собой.

Айрилл ещё раз вскрикнула и, гулко булькнув, ушла под воду. Тут же вынырнула, бес-толково замахала руками, пытаясь удержаться на поверхности.

Река оказалась не только глубокой и широкой, здесь было сильное течение. Когда Сейвер наконец пробрался сквозь ветви и, крикнув Лоя: «Иди вдоль берега, поможешь её вытащить!» – нырнул, Айрилл унесло метров на двадцать. А пока Лой на четвереньках перебирался на другой берег, они и вовсе скрылись за излучиной. Пришлось не просто идти, а бежать, то и дело напарываясь на пучки высокой, выше пояса, травы с длинными, острыми словно лезвия, листьями.

Вновь Лой увидел Сейвера и Айрилл уже на берегу – они обошлись без его помощи. Сейвер стоял спиной к реке, стряхивал остатки воды с непромокаемого трико. А дальше, за его спиной, нагая Айрилл выкручивала тунику.

Лой замер. Он не готов был к подобной сцене наяву, а не во сне. Он был смущён, растерян. И обескуражен. Потому что ведущая бриз-шоу оказалась совсем не такой, как он себе представлял.

Женщина почувствовала его взгляд. Обернулась, посмотрела укоризненно:

– Лой, отвернитесь, пожалуйста.

Он поспешно выполнил просьбу, стал рядом с Сейвером.

Минуту спустя, уже одетая, она подошла к ним. Вздохнула:

– Сандалии утонули.

Мужчины дружно уставились на её босые ноги, молочно-белые, с маленькими ступнями и остатками серебристого лака на ногтях.

– Плохо. Очень плохо, – нахмурился Сейвер. Перевёл взгляд на ноги Лоя. – Свои ботфорты не предлагаю, по размеру не подойдут. А вот гольфы можно попробовать.

– А как же я? – удивился Лой. – Я не смогу идти по лесу босиком.

– Придётся потерпеть.

– Нет, – покачала головой Айрилл, – так не годится. Нужно придумать что-нибудь другое.

– Что именно? Здесь, извините, обувных автоматов нет.

Айрилл ответила не сразу. Постояла, задумчиво почесала пальцем над переносицей. Решительно развязала кушак, протянула охотнику:

– Попробуйте разорвать это на две части.

И когда тот справился с прочной материей, села прямо на песок, начала обматывать ноги.

Сейвер смотрел на неё сверху вниз, следил за процессом «обувания» с неодобрением. А Лой пытался узнать в этой тощей, не очень-то молодой женщине в мятой мокрой тунике, с грязными слипшимися волосами, изящную теледиву. Старался и не мог. Айрилл больше не существовало, у его ног сидела Айна Лири. И было оглушительно больно и обидно от осознания хрупкой эфемерности красоты. Достаточно полуторачасовой прогулки по парку, чтобы она растрескалась и начала осыпаться. А река смыла её окончательно. И даже ипо как будто потускнел, обнаружил в себе ненужную жёлтую ноту.

Женщина закончила бинтовать ноги, встала, попрыгала, испытывая узлы на прочность. Посмотрела на Лоя... и догадалась, о чём он думает. Улыбнулась грустно:

– Что, такая я вам не нравлюсь? Больше не будете снить моё бриз-шоу?

Лой не ответил. Не знал, что сказать.

На полдороге к переправе они наткнулись на Риву. Очень рассерженную и негодующую. Но Сейвер не дал ей открыть рот. Спросил первым:

– А где мальчишки?

– Да я почём знаю?! Я в воспитатели не нанималась! Я...

– Рива, вы оставили детей одних в лесу? – Айрилл (нет, не Айрилл – Айна) подалась к ней.

– Да что с ними станется?

– Всё, что угодно! – буркнул Сейвер. – Я же объяснял, здесь связь не работает. Как мы их теперь найдём?

Они начали оглядываться по сторонам, будто в этом зелёном лабиринте можно было хоть что-то увидеть, кроме ветвей и листьев.

– А если позвать? – предложила Айна. – Нет, не через коммуникатор, просто так.

И закричала:

– Ялик! Рамир! Вы где?!

Все замерли от неожиданности. Голос её всё ещё походил на звон серебряных колокольчиков. Таким голосом хорошо нащёптывать нежные слова на ухо, петь колыбельную. Но, чтобы кричать в лесу, он не годился.

Зато у Ривы голос оказался подходящий, громкий и резкий:

– Ялик!!! Эй! А ну, отвечайте!

Это подействовало почти мгновенно.

– Мы здесь! – отозвались из чащи.

– Ну, я им задам трёпку! – пообещала Рива и рванула на голос.

И все поспешили за ней.

На поляну Лой вывалился последним. И остановился в восхищении – на краю лужайки высился громадный цветок. Широкие, мясистые листья были глянцево-гладкими сверху и ворсистыми снизу. Они ритмично, будто в такт неслышной мелодии, покачивались на длинных, чешуйчатых, отливающих бронзой черешках и переливались всеми оттенками сине-зелёной части спектра. Они будто струились в воздухе, притягивали, манили к себе. И аромат! Тонкий, изысканный, совершенно неуместный в этом примитивном лесу. И сильный. Даже на противоположном краю поляны Лой ощущал его. А ноги сами собой несли всё ближе и ближе.

Мальчишки стояли у подножья цветка, рассматривали что-то, белеющее в траве.

– Назад! – внезапно осипшим голосом закричал Сейвер. – Отойдите от него!

– А что это такое? – полюбопытствовал Ялик. – Здесь кости лежат. Настоящие!

Рива не оставила охотнику времени на объяснения. Подскочила к мальчишкам, вцепилась Ялику в плечо, оттолкнула от растения.

– Кто вам позволял сбегать, паршивцы?! Мало без вас неприятностей?

– Мы только хотели... – начал мямлить растерявшийся Ялик.

– Хотели! – передразнила его Рива.

Она не замечала, что делается за её спиной. Зато Лой видел превосходно. Листья цветка задрожали сильнее, черешки, те, что были поближе к людям, начали странно изгибаться, будто и не черешки это были. И вдруг один лист упал на плечи женщины, обхватил, будто мягкое покрывало, и... поднял её в воздух!

Всё случилось так быстро и неожиданно, что никто и вскрикнуть не успел. Рива взбрыкнула ногами, одна тапочка слетела, сделала замысловатый пируэт, шлёпнулась посередине поляны. И когда Лой, невольно проследивший за траекторией тапочки, вновь поднял голову, Рива была высоко. Лист пеленал её всё туже и туже. Вот руки женщины исчезли в его сине-зелёной мякоти, ноги... Ещё чуть, и края листа сойдутся, превращаясь в кокон... И лишь тогда Рива закричала.

В крике её было столько ужаса, что Лой попятился. Прочь, прочь с этой жуткой поляны, из этого кошмарного парка! Прочь, под защиту привычного, уютного Мегаполиса!

И Сейвер начал медленно отступать. И отступала Айна, успевшая подбежать к растению и схватить за руку Рамира. И отступал Ялик. Они пятились, не в силах оторвать взгляды от вздрагивающего, будто он пережёвывал добычу, листа. А Рива всё кричала и кричала.

Первым опомнился Рамир. Он вывернулся из рук Айны и бросился к растению. Другой хищный лист наклонился к нему навстречу, но мальчишка размахнулся палкой и что было силы врезал. Лист отпрянул, ему на подмогу потянулись собратья. Рамир едва успевал отбиваться от зелёных лап. Он дрался молча, ожесточённо. И было ясно, что проиграет это сражение – один против нескольких десятков.

Но тут уж и Ялик поспешил на помощь другу. Перехватил покрепче палку и тоже принялся молотить, вопя во всю глотку:

– Отпусти её, слышишь?! А ну отпусти!

Айна перестала пятиться, оглянулась на мужчин:

– Сейвер, Лой, что вы стоите?! Помогите!

Лой понимал, что как благородный рыцарь он обязан прийти на помощь женщине. Что не имеет права оставить её в пасти чудовища. Но мысленно видел себя самого, накрепко спелёнутого зелёным коконом, раздавленного, может быть, переваренного живьём... И от этого ноги наливались тяжестью. Не позволяли сделать ни шагу!

Отчаявшись дожидаться помощи, Айна подскочила к Ялику, выхватила у него палку и принялась колошматить по атакующим листьям. Тогда наконец и Сейвер решился. Зло выругался, подскочил к растению и начал сильно и резко бить каблуком ботфорта по черешку ближайшего листа.

Несколько ударов – и лист хрустнул, отломился, рухнул на землю. А Сейвер взялся за следующий. И тогда растение испугалось людей. Попыталось остановить охотника, а когда это не удалось, будто отпрянуло, съёжилось. Если бы оно могло выдернуть корни и сбежать, унося добычу, так бы и поступило. Но удрать оно не способно.

Зелёный кокон разжался, вывернулся наизнанку, будто выплюнул содержимое. Перемазанная густой зелёной слизью Рива шлёпнулась на траву, каким-то чудом умудрившись приземлиться на четвереньки. Так же на четвереньках, жалобно, по-звериному скуля, поспешила прочь. Охотник догнал её, ухватил за воротник пижамы, поднял на ноги. Скомандовал всем:

– Быстро к реке! У этой дряни сок ядовитый, кожу разъедает!

Назад они не шли, а бежали. Насколько можно было бежать сквозь этот отвратительный, мерзкий лес. И, выскочив к реке, Рива тут же, не раздеваясь, плюхнулась в неё. Окунулась с головой, принялась ожесточённо оттирать руки, лицо, волосы, ткань пижамы.

Сейвер, Айна, мальчишки тоже подошли к воде, начали отмывать брызги сока. Только Лой стоял в стороне. Он не подходил близко к жуткому растению, до него оно не дотянулось. Именно потому, что он не плескался в воде, а пялился по сторонам, Лой первым увидел ЭТО.

Ветви высокого кустарника, росшего на другом берегу, как раз над обрывом, раздвинулись, и оттуда выглянула... звериная морда?! Широкая, приплюснутая, с глубоко посаженными глазами и массивными надбровными дугами. Четыре продольные чёрные полосы перечёркивали скошенный лоб. Но самой запоминающейся частью морды была губастая пасть с торчащими наружу клыками.

Морда замерла, разглядывая людей. Затем рядом и немного ниже из кустарника высунулась вторая, такая же. А через минуту, внизу, у самой земли, ветви раздвинула третья. Она сладко зажмурилась. И зевнула, показав тройной ряд белых острых зубов. А первая весьма аппетитно и многозначительно облизнулась.

Лой икнул. Тихо окликнул Сейвера:

– А это кто?

Охотник поднял голову, проследил за его взглядом. И сразу напрягся. Осторожно начал отходить от воды. Не повышая голоса, приказал:

– Уходим отсюда. Медленно и без паники. И тихо.

То ли слова, то ли тон, каким они были произнесены, подействовали на всех. Даже Рива не завизжала. И лишь когда реку и чудовище на берегу заслонила плотная зелёная стена, Лой отважился спросить вновь:

– Так кто это был?

– Тигропитон, разумеется. Сонный, на наше счастье. Теперь – бегом! До захода солнца нам нужно выйти из лесу.

Спорить никто не посмел. Все слишком хорошо помнили схватку с плотоядным растением. А уж зубастые морды...

Они бежали, не разбирая дороги. Лой то и дело спотыкался о коряги и кочки, колючие ветви хлестали по плечам, по груди, по лицу, цеплялись за руки и ноги, превращали жакет и рейтузы в уродливые лохмотья. Но сейчас это было не важно! Им грозила опасность. Не в игре, не в приключенческом сне или визуале. Эту опасность нельзя выключить, «заморозить» или понизить её уровень. Эта опасность реальна. От неё можно только убежать.

Из лесу они выскочили, когда солнце коснулось горизонта. Лою это показалось странным – ведь три часа назад был полдень! Но спрашивать он не стал. Как знать, может, здесь и встроенный в коммуникатор хронометр барахлит?

С этой стороны лес тоже обрывался зелёной стеной. Метров двести стелющейся по земле мелколистной травы, а дальше – пустыня. Самая настоящая, с песчаными барханами до самого горизонта. Станный всё-таки парк!

Лой надеялся, что идти по мягкому песку будет легче, чем по лесу, но не тут-то было. Да, песок был мягкий, но очень горячий. Он сразу же набился в дырявые гольфы, жёг пятки, натирал между пальцами. Лой чуть не плакал от боли.

Плохо было не только ему.

– Сейвер, нам долго ещё идти?! – Казалось, Рива вот-вот заплачет.

Её тапки развалились. Она теряла их через каждые два-три шага, останавливалась, надевала, плелась дальше.

– Не очень, – пообещал охотник.

– А точнее?! Вы говорили: «Рукой подать!» – а мы всё идём и идём. «Не долго» – это сколько, по-вашему? Полчаса? Час? Два?! Сколько нам идти?!

– Откуда мне знать, сколько придётся плестись вот так – пешком?!

Подобного ответа никто не ожидал.

– Как это вы не знаете? – удивилась Айна. – Вы же бывали здесь, охотились? Сами мне рассказывали.

– Да! Но не на своих же двоих я на охоте передвигался? К вашему сведению, в комплект охотничьего снаряжения входит ранцевый гравилёт. Расстояние между посадочными площадками лифта – пятнадцать минут. Если передвигаться достойным цивилизованных людей способом!

Все остановились. Рива вдруг заскулила и опустилась на пологий склон бархана. Ялик с Рамиром понуро присели рядом.

– Та-а-ак... – Айна шумно выдохнула. – И что ещё входит в «комплект охотничьего снаряжения»?

– Я знаю, – подал голос Ялик. – Парализатор направленного действия, ультразвуковое ружьё, лазерный нож, силовая и акустическая защита, походная аптечка с экспресс-диагностом, пищевой рацион на двое суток, запас воды. И, да, ранцевый гравилёт.

На несколько секунд повисло молчание. Наконец Айна произнесла, скривив губы:

– Подумать только, в своих охотничьих играх вы снаряжаетесь, словно древние космопроходцы! Зачем же нас потащили сюда в пижамах и тапочках?

– Я не знал, что прогулка так затянется. Уверен был, что за час-полтора мы дойдём. Вы сами виноваты! Нечего было падать в реку и соваться в лапы к птицеяду. Если бы не я, вас бы

в живых уже не было. Безвольные, ни на что не годные слизняки! Надо было оставить вас на транспорт-площадке. Сидели бы там и ждали своего техника, пока не посинеете!

Рива зарыдала в голос:

– Я... я домой хочу! Отведите меня домой!

Айна подошла к ней, погладила по голове, успокаивая. Потом вновь взглянула на Сейвера:

– Марк, ещё не поздно. Можете бросить нас на произвол судьбы и уходить. Зачем вам терять время из-за мягкотелых слизняков? Вы же спешили куда-то? А, вспомнила – соревноваться с такими же суперменами!

Сейвер не ответил, только губы поджал. Но Лой видел – именно так охотнику и хочется поступить.

Айна обняла Риву за плечи:

– Всё, всё, хватит. Вон, смотри, дети – и те не плачут. Пошли. Будем надеяться, что наш доблестный «проводник» хотя бы в направлении не ошибся.

Ночь наступила неожиданно. Только что последний луч солнца лизнул верхушки барханов, а вот уже и небо почернело, рассыпав щедрые пригоршни ярких, мерцающих звёзд.

– Привал! – скомандовал Сейвер. – Переночуем здесь, а с рассветом двинемся дальше.

– Что значит «переночуем»? – возмутилась Рива. – Где мы, по-вашему, будем спать? Не на земле же?

– Именно на земле. Вернее, на песке, он мягкий и тёплый. Отдохнёте заодно, а то плетётесь, как дохлые.

Рива ещё что-то пробурчала, но подчинилась. А остальные и не спорили, упали, кто где стоял. Только Ялик прорыл: «Кушать хочется...»

Песок в самом деле был мягким и тёплым. Лой выкопал ложе, вытянулся, закрыл глаза. Он и не знал, что устал до такой степени, что вообще возможно так вымотаться. И всё, о чём говорили спутники, слышал уже сквозь дрему.

– Какое здесь красивое небо! – восхищалась Айна. – Звёзд много, и они такие яркие. Я часто смотрю на небо, и оно всегда разное, узоры никогда не повторяются. Удивительно, правда?

– Это карта нашей Галактики, – принялся объяснять Ялик. – Она называется Молочный Путь. Люди заселили в ней спиральный рукав Ориона, только это давно было, ещё в прошлой эре. Если карту отодвинуть и развернуть, я вам покажу, где это. Я и Землю могу показать! У меня очень высокий рейтинг по астрономии.

– Забивают детям голову разной ерундой, – вставила Рива.

– Мальчик, ты находишься не внутри школьного визуализатора, – поучительно заметил Сейвер. – Это не карта, это и есть наша Галактика. Поэтому повернуть её не получится.

– Жалко, а то бы я показал...

– А я, пожалуй, сумею вам показать Землю, – засмеялась Айна. – Даже ничего не поворачивая. Мы на ней находимся! Эх вы, «знатоки».

На минуту они замолчали. А затем Сейвер тихо, так, чтобы никто не услышал – на лежащего с закрытыми глазами Лоя он внимания не обратил, – прошептал:

– Землю она покажет... Интересно, о Восемнадцатой Скорпиона она хоть слышала когда-нибудь?

В его голосе слышалась насмешка. Лой удивился – с чего бы это? Он, например, тоже не знает, что такое «скорпион», хоть восемнадцатый, хоть какой. И нимало не страдает от этого.

Ночь закончилась так же быстро, как день. Лой едва задремал, как зычный крик Сейвера заставил открыть глаза:

– Вставайте, лежебоки! С вершушки бархана транспорт-площадку видно. Завтракать дома будем!

Новость взбодрила лучше чашки крепкого кофе. Лой вскочил на четвереньки, проворно вскарабкался на бархан. И всё равно оказался там последним!

Далеко, чуть ли не у самого горизонта, за бесконечными рядами песчаных волн, поднимались источенные ветрами и временем скалы.

– Там! – махнул рукой Сейвер. – Я узнал это место. Снаружи площадка замаскирована под грот.

Лой думал, что сейчас помчит, полетит к этим скалам. Но встать на ноги и идти – не бежать, а всего лишь идти – оказалось невероятно трудно. Зря Сейвер утверждал, что они отдохнут за ночь – вчерашняя усталость никуда не делась. Наоборот, она будто удвоилась. Ноги были чугунными, в поясище ломило, ныли все мышцы. И то же самое чувствовали спутники Лоя. Что за жалкое зрелище представлял собой их маленький караван! Оборванные, исцарапанные, грязные, да и смердит от них так, будто не представители великой цивилизации, а шайка... неандертальцев!

Они всё брели и брели, а скалы никак не приближались. Каждый раз, когда приходилось спускаться с очередного бархана, они пропадали из виду, и становилось страшно – что, если навсегда?! И с каждым шагом идти было труднее. С каждым оставшимся позади барханом солнце поднималось всё выше, песок становился горячее. И пить хотелось невероятно!

Караван растянулся на добрую сотню метров. Впереди шёл Сейвер. За ним, далеко отстав, ковыляла Рива. Замыкали шествие Рамир и Айна, тянущая за руку Ялика, который без конца хныкал. Лой оказался в середине процессии. Он не знал, как поступить – спешить за Ривой и охотником или дожидаться последних? Благородному рыцарю подобало быть рядом с самыми слабыми. Но так хотелось скорее добраться до цивилизации! До воды!

Дорога через пустыню заняла час. И ещё оставалось минут пятнадцать ходьбы. Скалы теперь не прятались за барханами, они выросли, поднялись над головой. Уже различим был заветный грот, и мигал над ним огонёк маячка. Да, они всё-таки дошли. Сейвер больше не оглядывался на спутников, он спешил убраться отсюда подальше. И Рива ускорила шаг, близость цели словно добавила ей сил. Лой и сам ощущал это. Хотелось смеяться и плакать от радости. Наконец-то! Ещё несколько шагов, несколько минут, и все неприятности останутся позади. И можно будет навсегда забыть об этом приключении.

Он в очередной раз оглянулся. Рамир шёл, тяжело опираясь на палку, за ним плелись Айна и Ялик. Вот женщина споткнулась, упала на четвереньки. Попыталась подняться и не смогла. Ялик постоял, присел рядом. Лой понимал, что нужно вернуться, помочь. Но это же лишние метры – назад! Он не мог заставить себя сделать это. А потом...

В первую секунду он не понял, что происходит. Песок между ним и Рамиром начал проседать. И вдруг из него высунулось что-то круглое, чёрное, щетинистое. Лой отпрянул, споткнулся, упал. Тут же вскочил...

Чёрное вылезло из песка. Размерами оно немногим уступало человеку, всё состояло из шаров и коротких членистых лап. И вдобавок – плевалось толстыми белыми нитями, должно быть, прочными и липкими. Две нити быстро опутали ноги Рамира, опрокинули его навзничь. Это походило на гипно-шоу для любителей ужасов. И Лой был то ли зрителем, то ли участником представления. Нет-нет, участником он быть не желал! Он и зрителем-то быть не хотел.

Чудовище выпустило ещё несколько нитей, опутало руки и грудь мальчика, начало медленно подтягивать его к себе. Рамир пытался брыкаться, но как-то неуверенно, вяло, будто не осознавал, что с ним происходит.

Зато Айна всё поняла. Она вскочила, подбежала к мальчишке, попробовала оторвать от него нити, едва успев уклониться от очередного плевка. Нити держали прочно, не поддавались. И тогда Айна посмотрела на Лоя и закричала:

– Помогите! Да помогите же!

Лою стало совсем нехорошо от этого призыва. Нет, он не согласен участвовать в таком шоу. Ни за что! С него достаточно приключений!

И тут он сообразил, что Айна смотрит вовсе не на него, а словно сквозь него, куда-то дальше. Оттуда, из-за спины, донёлся голос Сейвера:

– Уходите! Это песчаные вертячки, очень опасные! Уходите, пока не поздно!

Лой и сам видел, что очень опасные. Песок справа от Айны зашевелился, потом ещё – чуть поодаль. И под ногами у него, Лоя, чувствовалось какое-то движение.

Айна обречённо оглянулась, схватила за плечи Ялика, толкнула вперёд: «Беги, быстро!» А сама, вместо того чтобы тоже удирать, подхватила обронённую Рамиром палку и... бросилась на чудовище!

Белые нити оказались не такими уж и прочными. Во всяком случае, когда вертячка схватила палку и попыталась вырвать, Айна удержала оружие. Нить натянулась и лопнула! А в следующий миг палка гулко ударила по панцирю твари.

Атака жертвы чудовищу не понравилась. Вертячка начала отступать, задние лапы принялись разгребать песок. Но выпускать спелёнатого по рукам и ногам мальчика она не желала. А вокруг высовывали из песка головы её товарки, готовились плюнуть в спину женщины.

И тогда Лой сделал то, чего делать не хотел. Да что там не хотел – не смог бы, – никогда, ни за что! Он поднял брошенную убежавшим Яликом палку и пошёл к Айне. Где-то сзади кричал Сейвер: «Уходите немедленно! Мальчишке вы уже не поможете! Это – смерть, идиоты!!!» Но голос его был так далеко, что не имел никакого значения. Важно лишь то, что ждало Лоя впереди: десяток выползающих из песка чёрных тварей и мечущаяся между ними тщедушная человеческая фигурка в разорванной тунике.

Это было самое страшное гипно-шоу из всех, в каких Лою приходилось участвовать. Последнее утреннее бриз-шоу от Айрилл с Радужного тиви-канала. Шоу, которое Лой не заказывал и о каком не помышлял. Роль его в нём была очень проста – бить, бить, бить палкой по чёрным панцирям, обрывать цепляющиеся за руки и ноги нити, пока те не присохли и не затвердели. И не думать, чем это шоу должно закончиться. Только не думать!

Слёзы ужаса и отчаяния застилали глаза, мешали видеть, что происходит вокруг. Но не было времени вытереть их. Нельзя останавливаться ни на секунду, нельзя выпустить палку, нельзя оступиться, упасть. Не то мгновенно превратишься в беспомощный куль и... Нет, не думать! Не думать!

Сколько длилось это сражение, Лой не знал. И сколько ещё продолжится – тем более. Он бился, пока в руках и ногах оставалось хоть немного сил...

Рядом затрещало, будто рвалась натянутая ткань. К запахам песка и пота прибавился новый – приятный, свежий. И вдруг чудовище перед Лоем сжалось, замерло. Он лупил его по голове что было силы, а вертячка больше не пыталась защищаться. И когда он бросился к другой, та тоже оказалась обездвиженной.

Крепкая сильная рука взяла Лоя за локоть.

– Всё, уходим отсюда!

Он обернулся.

Несколько неподвижных чёрных туш лежали в смятом, изрытом ногами и лапами песке. Посреди побоища стояла тяжело дышащая Айрилл и всё ещё сжимала в руках палку. А рядом с ней – немолодой светловолосый мужчина в ярко-оранжевом, с алыми вставками комбинезоне. С нейрохлыстом в руке.

Незнакомец протянул оружие Айрилл: «Бейте, если опять полезут». А сам наклонился, взял на руки Рамира. Выпрямился, вновь скомандовал: «Уходим!» И поспешил к поднимающимся в нескольких сотнях шагов скалам.

Наверное, это не по законам рыцарской доблести: оружие должны были вручить Лою, мужчине, благородному защитнику. Но в сегодняшнем шоу роль защитника по странному стечению обстоятельств досталась хрупкой Айрилл. Поэтому Лой не спорил.

Он догнал незнакомца:

– Вы спасатель?

– Нет, всего лишь техник, – ответил тот. И улыбнулся открывшему глаза Рамиру: – Как ты, парень? Сильно испугался? Ничего, сейчас приедем домой, и всё будет хорошо.

И стал насвистывать мелодию. Лою она была незнакома, и в то же время он мог поклясться, что слышал её. Совсем недавно!

У входа в грот их ждали Рива и Ялик. Мальчишка подскочил к другу, испуганно заглянул ему в лицо:

– Рамир, ты живой?

– Живой, живой, яшень-красень, – ответил за того техник. – Будем считать, что отделался лёгким испугом.

– А где Сейвер? – спросила подошедшая последней Айрилл.

– Да он сразу сбежал, как только до кабинки добрался, – презрительно хмыкнула Рива. – Струсил.

– Нет, он не струсил, – Айрилл покачала головой. – Ему стало стыдно за свою слабость. Он ведь привык быть сильным. Окажись с ним его снаряжение, он бы вёл себя совершенно иначе. Все мы, люди, такие.

Техник покосился на неё, улыбнулся едва заметно:

– К счастью, пока не все.

Уже на посадочной площадке, проводив Айрилл и мальчишек и дожидаясь, когда коммутации лифта освободятся, Лой решил спросить техника:

– Эта мелодия, которую вы насвистываете... что это? Я специалист по эстет-симбионике, но с ней не знаком.

– О, это очень старая песня. Я не помню слов, только мотив. Она посвящалась героям первой звёздной экспедиции.

– Ого! – с уважением согласился Лой. – В самом деле, очень старая. Уже ведь... лет двести, как никто не летает к звёздам, правильно?

– Значительно больше, – вздохнул техник. – Боюсь, люди начали забывать, где они...

– И правильно, нечего там делать! – перебила Рива. – Звёзды им подавай, видите ли! Лифты сначала ремонтировать научитесь. И эти ваши парки – кто их придумал заселять всякими тварями? Должен ведь кто-то отвечать за подобное безобразие? Уму непостижимо: мы могли погибнуть в трёх минутах от собственного дома!

– Да, в трёх минутах от дома... – согласился техник.

Глава вторая. Бабочка

Появление Айрилл на съёмочной площадке всех потрясло. Операторы вылезли из-за камер, дирижёр схватился за сердце, практикантка упала в обморок.

– Что тут происходит? – Голос продюсера раскатился под сводами студии. – Все работать. Айрилл, где ты пропадала? Айрилл?!

Айна стояла у дверей и виновато улыбалась. Спутанные волосы облепили щёки, падали на глаза, обрывки серебристой туники выглядывали из-под ярко-оранжевой куртки с белой надписью «Служба коммутации». Работники не могли поверить, что пропускная система позволила войти столь яркой приверженке альтернативной моды. Даже крупная надпись «Айна Лири» на головизитке воспринималась с недоверием.

– Привет, Родни. Это я. Извини, опоздала.

– Да... Что с тобой? Ну-ка, пойдём в гримёрку.

Продюсер ухватил Айрилл за руку и потянул за собой, стараясь не прикасаться к куртке и грязной одежде.

– Работать! Все по местам! Продолжаем работать! Быстро, раз-два!

И уже тише:

– Ты что себе позволяешь? Нельзя приходить в таком виде. Мне всё равно, где ты шлялась, но у нас есть имидж! Как они теперь будут звезду экрана представлять, как?

– Мне больно, – Айна выдернула руку. – Родни, я с тобой так разговаривать не буду.

– Прости, прости, пожалуйста, – залебезил продюсер. – Я волнуюсь за тебя, за общее дело. Что произошло?

– Попала в передрагу. Выпуталась. Из того места до студии была одна перекоммутация, а домой – шесть. Вот я и решила приехать в свой второй дом. Зря, наверное, – вздохнула Айрилл, опустив голову.

Пусть Родни почувствует себя виноватым. Поделом ему. Звезда здесь она.

– Извини-извини! Правда! Ты же знаешь, я горячусь временами, – продюсер приобнял Айну. – Вот что: я сейчас объявлю перерыв. На час. Ты приведёшь себя в порядок и присоединишься к нам. Надо погоду начитать. Идёт? Вот и умничка.

Не дождавшись ответа, Родни упорхнул. Айна вздохнула и поплелась в гримёрную. Он прав. Не стоило приходить сюда в таком виде. Судя по всему, Гельва отлично сэмоционировала вчерашнее шоу, справилась бы и с этим. Ох, Гельва... Недавно ещё была практикантка, на всё смотрела распахнутыми глазами, а сейчас – львица из высшего общества.

Сожрёт и не поперхнётся.

Айна плотно закрыла за собой дверь. Здесь было её царство, и ни Родни, ни сам генеральный директор Радужного канала не могли сюда зайти без разрешения. Маленькая крепость в недрах студии.

Она сняла куртку, аккуратно повесила на спинку стула. Села в кресло перед зеркалом. С той стороны на неё смотрела уставшая женщина с запавшими скулами и синяками под глазами.

– Истинное лицо Айрилл. Кадр на яркий ипо. Сейчас подправим. Не первый раз...

Айна сняла тунику. Смятая лёгкая ткань уместалась в ладони. В мусор. Всё в мусор. И смыть грязь. Родни не зря боялся к ней прикоснуться. Утончённая натура. Точно как Лой Карев. Как похожи эти двое мужчин! Интересно, сумел бы продюсер так же, как Лой схватить палку и отмахиваться от вертячек? Кто знает...

Ванна манила пузырьковым массажем, эфирными маслами, ароматами гвоздики, шиповника и лёгкой ноткой ванильного яблока. Айна с наслаждением улеглась в водный гамак и поз-

волила массажёру поколдовать над телом. Щёточки и пальчики разминали затёкшие мышцы, манипуляторы бережно очищали волосы, мастер педикюра приводил в порядок ногти.

Айна понемногу успокаивалась. Только сейчас она поняла, что до сих пор не могла поверить в возвращение. Толпы ярко одетых людей, стерильная белизна транспорт-площадок и студия – казалось, это всё сон, и стоит ей открыть глаза – вокруг будет только песок, товарищи по несчастью и одурающе близкое звёздное небо.

Таймер сыграл предупредительную мелодию. Оставалось не так много времени, чтобы подобрать гардероб. Айна нехотя выбралась из объятий массажёра.

– Сушить.

Горячий воздух мягко заструился вокруг тела. Высокое зеркало отразило подтянутую фигуру, тонкую талию и небольшую грудь с торчащими сосками.

«Я ещё ничего, – усмехнулась Айна. – Рано меня в расход списывать».

Она выбрала лёгкое сиреневое платье, более тёмные бархатные сапожки и белые кружевные перчатки – закрыть ссадины и порезы. Автопарикмахеры соорудили причёску, робостилист нанёс макияж и произнёс случайно выбранный комплимент. Айна сохранила композицию – утром ей предстоит одеться точно так же, – подмигнула отражению и решительно отправилась в студию. Оставалось ещё минут пять. Как раз на чашечку чего-нибудь горячего.

В кофейном уголке её поджидала Гельва. Гельветика Сандерс, рыжая ведьма, как за глаза её называл персонал. Подруга, которая с удовольствием добьёт ударом в спину.

– Айрилл!

– Гельва!

– Как я рада тебя видеть! Я боялась, что с тобой случилось что-то ужасное!

– Тьфу-тьфу, всё обошлось!

Они обнялись, Гельва утатила её к высоким стульям и шепнула:

– Подруга, слушай, я тебе завидую. Скажи честно – это был глэк-трип, да? Это такой кайф, скажи!

– Не понимаю.

– Да брось, Ай, а то я не знаю, как после него выглядишь. Расскажи, давай, где цепляла, чем стартовала, с кем нырялась, – сверкала глазами рыжая. – Давай-давай, милая, раскрывай карты!

– Гелька, да не трип это был. На перекоммутации выпала в заповедник, и всё. Ничего больше.

«Так я тебе и расскажу».

– Да-а... – протянула Гельва. – Надо же... Ведь выглядела как...

Она замолчала. Огляделась.

– А хочешь трип? Я устрою. Только шепни. Мы же подруги. Ой, тебе пора, вон Родни бегают. Увидимся после сессии, бай!

Рыжая спрыгнула с высокого стула и уцокала в монтажную. Айна, хмурясь, проводила взглядом фигуру в ультракоротком изумрудном платье.

«Трип, значит? Пошла ты, Гелька. Ещё и кофе не дала выпить».

Продюсер действительно носился по студии. Айна помахала ему. Родни щеголял новой рубашкой. Старую, небось, выбросил после объятий. Как же, на той была грязь, самая настоящая, а не стилистически выверенная потёртость.

– Моя принцесса! Ты великолепна! Иди сюда, сюда!

Родни поцеловал воздух у её щёк.

– Сейчас читаем погоду, как обычно, потом будешь свободна. Культуру сэмоционировала Гельветика, но кто её снит, ту культуру? Айрилл, ты божественна! Идём же!

«Лысый чёрт, – усмехнулась Айна, старательно держа фирменную улыбку, – умеет же красиво подать даже откровенную лесть».

На площадке царило привычное оживление. Техники подгоняли оборудование, бегали девчонки с планшетами, сутился осветитель. Айна улыбнулась, встала в центр белого круга. Тотчас рядом возник ассистент. Она быстро наклеила прозрачные мокапы, засунула бусинку наушника. Взяла «диадему». Уже сколько лет работает с ней, надевает по несколько раз в день – и всё равно недолюбливает это устройство.

Выдохнуть, закрыть глаза. «Айна, у тебя умопомрачительный макияж». Приложить «диадему» – и чуть-чуть на себя.

Тихий щелчок, лёгкое помутнение в глазах. Прибор захватил электроды в её голове и готов транслировать энцефалограмму. Она огляделась, улыбнулась. Родни показал большой палец и дал отмашку дирижёру.

– Освободить площадку. Все стримеры в центр. Готовность камер и захвата. Проекция – старт. И пять, и четыре, три.

«Два. Глаза шире. Один. Улыбайся».

– И снова здравствуйте! В конце «Шоу для любителей романтики по-старинному» или, проще говоря, – поговорим о погоде. Могу обрадовать поклонников прогулок под открытым небом. Сегодня будет прекрасный день...

Радужный канал охватывает семьдесят процентов населения, его смотрят и снят в самых разных уголках Мегалополиса. Монтажёры разбирают стрим по геометкам, и каждый зритель получает свой прогноз.

Ежедневно Айрилл рассказывает о погоде в каждом из ста восьмидесяти шести ключевых регионов.

Она по-настоящему любит свою работу.

– И стоп. Конец записи! – Дирижёр развёл руки, стримеры подались назад и улеглись в ложа. Айне они напоминали танцующих кобр, чутко отзывавшихся на любое движение мысли.

– Прекрасная запись, прекрасная, – выкрикнул из кресла Родни, – последний раз видел подобную чёткость, когда ты только начинала! Приключение пошло на пользу, милая, но не увлекайся ими! Монтажёры! Не спать! Ты, – он ткнул пальцем в ассистентку, – кофе мне в берлогу. И, ради всего святого, быстрее! Я не могу работать один!

Айна сунула «диадему» ассистенту и побрела в гримёрку. Первые несколько минут после записи или прямого стрима, когда отключается эмоциональная волна, надо просто пережить. На этом ломаются многие девчонки, впадают в депрессии, устраивают истерики. Претендентку, работавшую перед Гельвой, нашли в ванной с руками в порезах. Тогда медботы подоспели вовремя. Говорят, позже она умудрилась всё-таки найти открытый технический колодец и свалиться в него. Даже в новостях шум был. Редкий случай, когда в них попало трагическое происшествие.

– Я домой, всем счастливо! – Айна махнула рукой и выбежала из студии.

Стоя перед транспорт-площадкой, сообразила, что не захватила куртку техника. «Завтра отнесу», – подумала она, настраивая перекоммутацию. В это время линии были свободны, и она могла попасть в квартиру всего через два перехода. Айна задумалась. Обычный путь показался ей скучным до одури. Она перенастроила коммутацию и шагнула в кабину. Несколько мгновений – и перед ней дорожки Королевского парка в Томо-но-ура. Заходящее солнце окрашивало камни и кусты золотом, Айна улыбалась мягкому светилу. Нужно иметь ипо, близкий к холодному, чтобы попасть в этот парк. Однако мало кто из обладателей подобного индекса популярности сюда заглядывал, почти все предпочитали другие развлечения. Пока ты внизу –

думаешь: «Буду каждый день гулять в Томо, или хотя бы раз в неделю», но когда у тебя ипо переваливает в холодную часть спектра – не до садовых изысков или вечно цветущей аллеи.

Тебе некогда.

Быть звездой утреннего шоу – здорово. Никогда не ждёшь на перекоммутациях, на работу попадаешь за считанные минуты. Везде мало людей, тебя быстро обслужат весёлые улыбочивые «совы». Завтрак в ресторане на сто первом этаже стрим-вышки, ты – единственная посетительница, можешь развалиться на белом диване, вытянув ноги. Короткое платье откроет бёдра, и официант чуть-чуть дольше задержится, принося травяной чай и десерт из обезжиренного творога.

Быть звездой утреннего шоу ужасно. Встаёшь, когда летнее солнце только начинает окрашивать в бледный сиреневый цвет восток. Не задержишься на вечеринке, а если забудешься – то едешь сразу на работу. Некоторые пати заканчиваются, когда Айрилл выходит в стрим и скрашивает предутренние часы чудесными снами. Бриз-шоу Радужного канала пользуется огромной популярностью.

Сегодня в студии шумно. Значит – будет гость. Интересно, кто?

– Я же сказал, мне минеральную воду среднегазированную. А вы что принесли? – Капризный мужской голос разлетается по студии. – «Мизу»? Это что за вода? Все знают, что я пью только среднегазированный «Леверье». Святой рейтинг! Неужели это так трудно запомнить!

– Айрилл, отлично выглядишь! – Родни появился из-за спины, поцеловал воздух у щёк Айны.

– Сходила на ароматерапию, сделала маску и легла пораньше. Что за птица?

– Гут Рубрандт. Популярный визуал-артер.

– У кого популярный?

– Айрилл!

– Извини, Родни, не сдержалась, – хихикнула Айна. – Ты же знаешь, я в этих делах тёмная, некому меня просветить... – Она широко раскрыла глаза и заискивающе посмотрела на продюсера снизу вверх. Тот, как всегда, растаял.

– Ладно-ладно, не прибедряйся...

– Где продюсер?! Я буду разговаривать только с ним! – раздался вопль с дивана.

– Иди к себе, переодевайся. В теке найдёшь диз-файл по этой птице. Всё, работать!

Родни помчался улаживать гостя. Айна соврала – о Рубрандте она слышала и даже видела несколько его работ в стелс-клубе. Ей артер больше запомнился истеричными выходками, чем картинами.

Оранжевая куртка так и лежала на стуле. Робоуборщики не решились трогать незнакомый предмет без инструкций. Когда-то Айна забыла на столике новую помаду, шикарный подарок симпатяги-кутюрье из Мила-ново, и роботы её утилизировали. Она подняла на уши весь клин-отдел, бедным пылесосам устроили перепрошивку, а «звезде» купили взамен целый косметический набор.

Гельветика за её спиной утверждала, что Айрилл сама спрятала помаду, дабы поиметь дивиденды со скандала.

Стук в дверь, голос референтки: «Двадцать до стрима». Значит, осталось пятнадцать, ещё пять надо потратить на знакомство с гостем.

Паучки быстро сплели ей вчерашний костюм. Синяки на руках сменили цвет и могли по яркости посоперничать с оранжевой курткой лифтера. Медботы, как ни старались, не смогли их полностью свести. Сквозь белые кружева они казались авангардной татуировкой.

«Надо сказать оператору, чтобы не давал руки крупно», – подумала Айна и вышла за дверь.

Артер разглагольствовал, помахивая стаканом. Шипучка расплёскивалась по полу, Родни сиял, девчонки по привычке мелко тряслись и боялись то ли гостя, то ли начальника, то ли обоих одновременно.

– Вот и наша звезда! – воскликнул Родни, завидев Айну.

Рубрандт скорчил недовольную физиономию. Надо спасать продюсера.

– Господин Рубрандт, очень рада с вами познакомиться. Родни верно сказал – нас осияла звезда! Признаться, ваша работа «Я, Феникс» произвела на меня неизгладимое впечатление!

«Блевать хотелось».

– Зовите меня просто Гут, дорогая. Просто Гут. Мы обязательно поладим. Вижу в вас тонкого ценителя красоты и артвангарда.

На стрим-площадке расположили два кресла и столик с интеркаталогом. С потолка спустился агрегат, похожий на морскую звезду. Сегодня будем «втирать очки», на художника решили использовать лазерный захват вместо мокапов.

Айрилл улыбнулась Рубрандту и пригласила в кресло гостя. По пути шепнула оператору про руки. Тот страдальчески взвёл очи горé.

– Ты на госте сосредоточься. Его затем и пригласили.

– Первая готовность! До стрима полторы минуты.

Диадема вошла в гнёзда, комок подскочил к горлу. Ох, некстати она вспомнила «Феникса». Как бы и впрямь не опозориться. Тысячи просмотров на видеохостах обеспечены, но боссы Радужного канала не поймут... А жаль.

Зато честно бы выразила отношение к художнику.

Айна извлекла из футляра плотные линзы. Сегодня предстоит работать в перекрестии лазеров, формирующих электронные образы для стрима. Что такое выжженная сетчатка – Айна хорошо знала, их специально на практике в больницу водили. Некоторые ведущие форсисли, мол, плохо получимся, комп никогда не достроит уникальное выражение глаз, тихонько прятали линзы – и получали укол тонкой зелёной шпагой. Пара лет восстановления обеспечены.

– Освободить площадку. Все стримеры в центр. Готовность камер и захвата. Проекция – старт. И пять, и четыре, три.

«Два. Растяни губы. Один. Подбородок вверх».

– Доброго сна тем, кто спит, и доброе утро тем, кто смотрит! Начинаем утреннее бризшоу! Айрилл в эфире, а это значит – с вами будет хорошее настроение и море позитива!

Шире губы, и фирменный жест. Айна почувствовала лёгкую дрожь. Слабые электротоки от прямого стрима возбуждают.

«Реклама тридцать», – голос в наушнике. Выдохнуть, улыбнуться Рубрандту.

– Гут, вы готовы? Скоро включаемся.

– Мне есть, что им сказать, – высокомерно скривил губы художник.

Бледное личико, хохолок падает на глаза, куцая бородёнка соперничает с выдающимся кадыком. Айрилл хорошо понимает оператора – эту птицу красиво не покажешь.

– И вновь с вами Радужный канал! Спите с нами, ведь сон – это жизнь!

«Восемьсот восемьдесят четыре», – музыкальная заставка длится ровно эту фразу.

– Сегодня мы посвятим шоу высокому искусству. У нас в студии гость. Его образы впечатляют критиков и ценителей искусства. Его арты стали шедеврами современного визуала. Его наперебой приглашают крупнейшие выставочные компании, но сегодня он здесь, в студии Радужного канала. Блестящий визуал-артер, действительный член общества артвангардистов и дримэстетов – Гут Рубрандт! Здравствуйтесь, Гут! Как настроение?

– Спасибо-спасибо, Айрилл. Вы с таким воодушевлением представили, даже загордился как-то.

– И есть чем, Гут! Есть чем, и сегодня наши снителю это увидят.

Голову ближе к плечу, брови вверх и улыбаться, улыбаться гусю этому. Вот, он уже тает. Ты его съешь, Айна, и не таких ела.

– В начале шоу давайте посмотрим несколько ваших работ. С чего начнём, Гут?

– Мы тут с вами «Я, Феникс» обсудить успели? Вот с него...

«Ой, мама. Сейчас куча народа выпрыгнет!»

– Возражу вам, дорогой Гут! Такое примечательное блюдо стоит оставить на десерт. Как насчёт вашей подборки для галереи Сан-Венаделло?

– Я весь ваш, Айрилл. Давайте её...

«Вот и чудненько. А там, глядишь, к этому Фениксу, снителю проснутся без нашего кошмара, и рейтинг не упадёт».

Задник расцвётился красками, Айна и Рубрандт оказались в грандиозном мыльном пузыре, покрытом спиральями и завихрениями. Из тёмных пятен выныривали силуэты, распались искрами, прорастали цветами, схлопывались у головы, перетекали горячим льдом и растворялись в зыбком удушливом тумане.

– Невероятное зрелище. Напоминаю, с нами Гут Рубрандт и его фантазмагории. Скажите, Гут, что вас вдохновило на эту серию?

– Я хотел показать работу мысли. Мы так мыслим – перетекающими несформированными образами. Сложно поверить, правда? Вербальное общество мучительно, ему необходим прорыв. Я его готовлю.

– Переводя мысли в визуальную форму?

– Это не форма, это поток, хаос.

Айрилл приложила руку к подбородку, изображая задумчивость. В интеркаталоге появилась спасительная подсказка.

– Поток? Кажется, понимаю, в чём тонкость. Эту коллекцию всегда показывают только в вашем присутствии. Поделитесь со зрителем секретом? – и улыбайся, улыбайся ты ему. Даже такому, как Гут, надо улыбаться.

– Никакого секрета, тем более для гипно-ТВ. Этот поток взят из моей гениальной головы примерно таким же стримером. Затем я его обработал по всем законам дримэстетики, сделал разветвления – и вуаля! Мёртвая статика превращается в моём присутствии в динамику! Я направляю развитие образа.

– Грандиозная технология.

– Стримером начали, стримером и закончили. Круг замкнулся, как видите.

– И по этому поводу давайте посмотрим коллекцию арта «Уроборос».

Рубрандт окончательно растаял. Надо узнать, кто из девчонок готовил сегодняшние бэки, и подарить бутылку вермута. Гусь попался в силки, транслирует полнейшее удовлетворение, а работает артер как хорошая станция.

У снителю будет положительное, хотя и немного суматошное утреннее впечатление.

Айна переждала очередной атомный взрыв неуёмной фантазии и рискнула спросить:

– Гут, вы пользуетесь в основном языком абстракций...

– Только им! – перебил её артер. – Стабильная форма безвкусна. Она безнадёжно устарела. Мы живём в эру безграничного полёта, которому чужды и непонятны условия творчества сто-, двухсотлетней давности.

– Я недавно была в Королевском саду и его форма мне понравилась, – притворно смутилась Айрилл. – Вы так не находите?

– Фарс и профанация. Всё это восхищение природой, садовничество и скульптурничество – тяжкий груз нашей культуры. От него надо избавляться. Мир изменился, надо это при-

знать. Ретрограды пусть тащат вас в парки с фонтанчиками и скульптурками. Артвангард даёт людям чистое незамутнённое искусство, эйфорию переживаний.

– А сейчас мы посмотрим обзор ваших недавних выставок. Оставайтесь с нами, будем говорить об искусстве!

«Реклама шестьдесят».

– Гут, можете отдохнуть, сейчас пойдёт блок светской трепотни, потом с вами продолжим.

– Вы считаете, что меня можно заменить какими-то певичками?

– Я – нет. Но босс ругаться будет, – Айна потупилась.

Рубрандт пожевал губами, решил, что девочка не виновата, и отправился допекать продюсера.

Слова художника не выходили из головы. Айрилл читала новости, рассказывала очередные сплетни и шуточки, комментировала открытие нового развлекательного аквакомплекса. Артер призывал в мир чистых абстракций, лишённых границ. Притягательное место, если вдуматься. Творцы прошлого, не имеющие стримеров, тратили годы, а то и жизни, пытаясь облечь в форму образы. Теперь есть возможность перехода. И она резко контрастирует с недавним её опытом.

– И вновь с вами Радужный канал! Спите с нами, ведь сон – это жизнь!

«Восемьсот восемьдесят четыре».

– Напоминаю, у нас в гостях ошеломительный визуал-артер Гут Рубрандт. Гут, я раздумывала над вашими словами...

«Только ж не надо так кривиться, я умею думать».

– ...и вновь хочу вернуться к вопросу о форме. Вы предлагаете людям абстрактные переживания, хотя наибольший эмоциональный всплеск человек получает, оказавшись в центре событий.

– В чём вопрос? – вздёрнул бородёнку артер. – Да, я предлагаю им бродить в порождениях моего разума. Однако каждый может породить свою вселенную. Пусть по глубине и мощи она будет жалким карликом, по сравнению с моей, но демиургом человек себя почувствует.

– Недавно со мной произошло небольшое приключение. Ничего особенного, прогулялась по заповеднику с экскурсией. Но соприкосновение с реальными ощущениями производит неизгладимый эффект. – «Синяки остаются». – Вы в своих работах не пробовали передать ощущение от, допустим, преодоления горной речки или жары в пустыне?

– Вы ещё скажите – поехать туда!

– Артеры прошлого регулярно...

– Прошое – прошлому! – Рубрандт наставил палец на Айрилл. – Запомните это! Вы ещё предложите мне прогуляться в этот ваш заповедник!

«Ох, чёрт, плакал рейтинг. Снителы будут с головной болью. Вот вам и бриз-шоу».

– Может получиться прекрасное шоу, Гут!

– Не может, – артер уселся глубже в кресло. – Девочка моя, зачем мне всё это? У меня есть прекрасная студия, в которой я творю миры. Мне незачем выбираться из неё в какие-то там...

«Оператор, молодец, вовремя бип сделал».

– ...смотреть на пальмы и крокусы.

– То есть вы никогда не путешествовали?

– Это громко сказано – никогда. Выставки, галереи, музеи. Посещал, да, долг велит. А ваши парки и фонтанчики, и речечки с закатыками... увольте! Всё придёт к осознанию собственного «Я» как реальности, и абстракция – единственный путь туда. Да я и к вам мог не приезжать, и на выставки эти. Всё пыль, пыль... Но надо ж вас как-то наставить на путь духовного роста. Вот, в меру гениальных, но скромных сил ожидаю наше перерождение.

– Благодарю за насыщенную и увлекательную беседу, Гут! И в завершение – «Феникс»!

Взмахнули золотисто-алые крылья, гроздь искр закружились в трёхмерном хороводе. Включился стробоскоп, пространство раскололи изломанные линии, и Айна почувствовала, что желудок не выдерживает. Едва успела сделать условный жест оператору. Стример медленно отвернул хищную голову, Айрилл упала на колени, из последних сил сдёрнула диадему. Не хватало пустить в стрим эту волну, по судам затаскают...

Травяной чай с творожным десертом растеклись по полу. Разрезанный на шестиугольники Феникс парил над площадкой, Гут Рубрандт упивался своим творением, наушник шипел голосом дирижёра: «Погоду, быстро!»

Айрилл выползала из зоны лазер-трансляторов. Следовало привести себя в порядок и вернуться в кресло. Двести десять на погоду, шестьдесят-девяносто выжмут из рекламы. Она должна успеть, хотя реальность против неё. И никакой чёртовой абстракции.

Она стояла на набережной какого-то города. Высокие фонари разбрасывали неяркий жёлтый свет на фигурную плитку, молодые деревья подсвечивались лампочками, вкопанными в газон. За парашютом неспешно катила воды широкая река. Над противоположным берегом вспыхивали фейерверки.

Пакет с оранжевой курткой послужил хорошей подушкой. Айна положила его на каменный парашют и смотрела на тёмную воду. В наушниках вертелась незамысловатая мелодия. Шоу закончилось нормально, Родни посетовал на невысокий рейтинг, мол, боссы ожидали другого.

– В следующий раз работай лучше, Айрилл. Ты же можешь!

Конечно, она может. Только продюсер во время «Феникса» предусмотрительно вышел за чаем, операторы смотрели через фильтры, а она сидела в эпицентре.

Запах куртки напомнил ей пустыню. «Отдать в стирку надо», – отвлечённо подумала Айна. Таинственный техник и сумасбродный визуал-артер представились ей весьма ярко. Интересно было бы посмотреть на их спор. Хорошее шоу.

Пискнули часы, напомнив о перекоммутации. Она задала три перехода, не указав ключевые точки. Пять минут на площади Согласия, три – в торговом центре и полчаса ожидания на набережной безвестного города. Айна никогда не была здесь раньше – и вряд ли бы побывала.

Из транспорт-кабины вывалилась компания: несколько девчонок в коротких платьях, с яркими заколками в волосах, и двое парней чуть постарше с букетами и воздушными шариками. Смех разнёсся по набережной, от ребят шёл заряд позитива, Айна чувствовала это без всяких стримеров.

– Ой! – воскликнула ярко-рыжая девушка. – Ой, это же Айрилл! Люди, это же Айрилл! Айрилл! Я – ваша фанатка! Можно, можно автограф?

Айна улыбнулась. Город оставался незнакомым, но в нём снят Радужный канал. И даже есть почитательницы шоу.

– Конечно.

– Вот, на шарике можно? Только у меня нет...

– Не беда, – Айна вытащила сиреневый маркер. Обязательный набор сумочки: косметичка, комм, визитки и что-нибудь пишущее – вот для таких случаев.

«Айрилл – доброго утра и хорошего дня!»

– Спасибо!

Она ещё раз улыбнулась компании и шагнула в сияющую белизну кабины. Быть может, артер прав, и человечеству предстоит стать абстракцией. Но пока существуют такие ребята – Айна не поверит в подобный исход.

Они слишком реальны.

Родни болеет и сморкается. Затычки в носу, маленький медбот сидит на плече, готовый услужить в любую минуту. Перед губами – полупрозрачный антибактериальный экран.

– Мы немного отстаём от показателей, Айрилл. Надо постараться. Больше веселья, больше эмоций и переживаний.

– М-м-м... может, не надо брать количеством?

– Айрилл, милая, вот не надо рассуждать. Ты умеешь делать своё дело, я – своё. Надо больше переживаний. Просто сделай это, ты же умница.

Конечно, она всё сделает. Хотите эмоций? Они будут.

– Джеми, – обратилась она к оператору, – мне на этот стрим понадобится усилитель воспоминаний и проектор. Сделаешь?

– Хотите поделиться недавними переживаниями? – уточнил оператор.

– Точно. Примерно двухнедельной давности.

Родни пропустил её слова мимо ушей, но Гельветика встрепенулась. У рыжей стервы нюх на приключения. Да-да, скоро ты узнаешь, в какой трип ходила твоя «подруга».

– С вами утреннее бриз-шоу Радужного канала и его ведущая Айрилл! Спите с нами, ведь сон – это жизнь! Сегодня мы поговорим о новостях музыки, тюльпановых плантациях и новом фильме режиссёра Юго Хевингейма. А в середине выпуска вас ждёт сюрприз – рубрика «Глазами Айрилл»!

Айна не слишком часто балует зрителей своими воспоминаниями. Не ровен час забудешься и угостишь какой-нибудь «клубничкой» о приключениях в постели случайного знакомого. Гелька однажды так порадовала снителей. Рейтинг канала, конечно, вырос, но ходить два месяца с малиновым ипо – перебор.

– Сегодня мы посмотрим на заповедник «Изумрудная Долина» – прекрасное охотничье угодье и очень любопытное место для прогулки. Начнём с того, что в нём нет дорожек.

В стрим пошло изображение лесных тропинок, где каждое направление может оказаться правильным, но совершенно тебе не нужным.

– Сучки, ветки, стволы деревьев, неоптимизированные уклоны. Вот на пути река, и её надо перейти. Мостиков нет.

«Айрилл, что ты творишь?»

– Поэтому мы будем переходить её по дереву.

Стрим заполнила узловатая кора, громче загудели кулеры, обрабатывая эмоции Аины, когда она соскользнула с дерева. Снителю должны почувствовать беспомощность, страх, капли воды на коже, рёв реки, ощутить камни, таящиеся ниже по течению.

– Температуру воды и течение в реке нельзя отрегулировать.

«Айрилл, прекрати немедленно».

– В «Изумрудной Долине» замечательная флора. Буйство растительного мира поражает. Не устаёшь наслаждаться его видом и ароматом.

Рива в хищном цветке. Неприятно, мучительно вспоминать, но иначе нельзя встряхнуть, пробить броню самоуверенности. Гниль в носу, вопли в ушах.

«Вторую студию! Гельветику в стрим, быстро!»

– Незведанный мир. Он подстерегает вас всего лишь в трёх минутах от дома...

Виски стянуло холодной лентой, кобры стримеров дёрнулись и нехотя улеглись в ложа. Оторопевший режиссёр смотрел на Айрилл, он был похож на суслика, внезапно увидевшего орла. Лишь дирижёр спокойно командовал персоналом второй студии, он не зря дождался седых волос и знал, что даже минутное помешательство ведущей не причина останавливать шоу. Оно должно продолжаться.

– Ты что творила, Айрилл? – Родни брызгал слюной, она падала на экран перед губами и с шипением растворялась.

Продюсер гнусавил, больное горло не давало ему сорваться на привычный визг.

– Мы же бриз-шоу! Позитивные эмоции с утра и на целый день! Да нас снят ради этого!

– Просил больше переживаний – я сделала.

– Но не такое! С ума сошла? Переработалась? В отпуск, может, надо сходить? Давай, мы тебе командировку в круиз выпишем. Не в треклятую «Изумрудную Долину», что б её наноботы... Восьмизвёздочный лайнер...

– Выгнать меня собрался? На пенсию проводить?!

Родни всегда боялся силы. Вот сейчас тот случай.

– Ну что ты, что ты! Пойми главное: мы должны их комфортить. наших снителей. Ты же сама каждый раз говоришь: «Сон – это жизнь!» Радужный канал даёт им краски, позитив! Даже во сне они ярко и полноценно живут. Хоррор и порно – не наша аудитория.

– Гм, – Айна забросила ногу на ногу. Тонкий фиолетовый шёлк скользнул по бедру, полностью открыв ноги. – Родни, мне нужен доступ к рейтингам. Из дома, пожалуй. Мне что-то нехорошо тут стало.

– Конечно, иди, – продюсер закусил губу и высморкался. – Извини. Так может, в круиз?

– Не стоит. Спасибо за понимание, Родни. Мне очень этого не хватало.

Айна вышла из кабинета, оставив продюсера в недоумении.

Рейтинг программы, в отличие от ипо самой Айны, не упал. Отключилось, то есть проснулось, около пяти процентов снителей, остальные досматривали внезапный для бриз-шоу кошмар с интересом. Наверное, на продюсера надали рекламщики. Понятно, что после такого пробуждения хочется не йогурт или ореховую запеканку, а крепкого спиртного.

Она решила просмотреть статистику по другим каналам. Музыка, путешествия, образование – обязательно несколько раз в месяц для детей – кулинария и прочее, и прочее. Особняком стоял Красный конгломерат – несколько студий, дающих в стрим порно и ужасы. Руководство остальных каналов ханжески закрывало глаза на их существование, реклама сопровождалась обязательной «моралью» о социальной ответственности – но «Красные» плевать на всё хотели. Их регулярно сносило не меньше тридцати процентов населения.

«Сон – это жизнь?»

В работе ведущего есть одно несомненное достоинство: обзаводишься бездной разнообразных контактов. Оно же перерастает в недостаток: эту кучу народа нужно помнить, поздравлять, поглаживать, не обижать, мирить и вообще, как выражается Родни, «комфортить». Зато в нужное время ты можешь обратиться за консультацией, билетом или за секс-партнёром – и тебе не откажут. Айне пока что требовалось первое.

– Кевин? Привет. Это Айрилл с Радужного. Да-да, привет! Помнишь меня? Ух, спасибо! Ты говорил, что можешь устроить экскурсию по вашей студии. Предложение ещё в силе? Чудесно! Да, бросай на комм. Завтра буду!

Айна решила изменить новой традиции и добралась до места встречи без дополнительных перекоммутаций. Она стояла возле небоскрёба, стеклянную поверхность которого украшал огромный красный логотип. Айна поёжилась. Много историй ходило про студии Красных. Говорили и про сексуальные извращения, и про пытки, и даже про убийства. Руководство конгломерата никогда не комментировало слухи – и они разрастались, а вместе с ними росли рейтинги.

Из вращающейся двери выскочил парень в ярко-синем комбинезоне и оранжевой майке. Белые волосы, заплетённые во множество косичек, развевались на ветру.

– Хэй, Айрилл! Давай сюда!

Она взбежала по ступенькам. Парень, не смущаясь, обнял её. Кевин Гамейро, редактор ночного хоррор-шоу «Дом с зеркалами», был на полторы головы выше неё и в полтора раза развязнее. Айна чмокнула его в щёку, чуть отстранилась:

– Примечательно выглядишь. Мне даже неловко тебя сопровождать. Вдруг я по дресс-коду не подойду.

– Нарываешься на комплимент, Айрилл? – хихикнул Кевин. Он критически осмотрел длинную кремовую юбку с высокими разрезами и серебристую, отчаянно открытую майку, кивнул. – Почти порядок. Только вот...

Заколка покинула волосы, светлая волна заструилась по щекам. Кевин умело заплёл две тонкие косички возле ушей, вытащил из кармана узкий металлический ошейник, защёлкнул его. – Теперь хорошо. Идём. Надеюсь, ты не пригласила съёмочную группу?

– Я же не дура, Кевин.

– В тебе не сомневаюсь, а продюсер ваш – болван.

Они вошли в здание. Хмурый верзила в чёрном выдал цепочку с карточкой-пропуском, отобрал коммуникатор и бежевый рюкзачок с лифтерской курткой.

– Таков порядок. При выходе заберёшь. С чего начнём? Секс, наркотики, рок-н-ролл? Морг, пляж, траходром?

– Морг?!

– В морг так в морг. Это налево.

Кевин ухватил Айну за руку и потащил по коридору к лифту. Они проехали несколько этажей вниз, двери открылись в небольшой ярко освещённый зал. За стойкой сидела девушка с красным ёжиком волос, на диванах, у противоположной стены, валялась куча зимней одежды: куртки, пуховики и прочие дублёнки. Но больше всего притягивала взгляд массивная железная дверь с металлической надписью ZiL и огромной ручкой.

– Скажи, что ты пошутил.

– Какие тут шутки. Выбери куртку, внутри холодно.

Айна оторопело извлекла из кучи серый пуховик с капюшоном, Кевин вытащил потрёпанную дублёнку. Девушка за стойкой ехидно улыбалась.

– Новенькая, мсье Гамейро?

– Ещё нет.

Из щели плеснуло холодом. Айна увидела ряды каталок, накрытых простынями. Под тканью угадывались контуры человеческих тел. У некоторых отсутствовали конечности.

– Это склад. Здесь наши молодчики дожидаются обработки.

– Обработки? – переспросила Айна.

Её слегка подташнивало, и только холодный воздух не давал потерять лицо.

– Ага. Статистику по случайным смертям не собирала? Интересная. – Кевин спокойно шёл мимо бесконечных рядов тел, направляясь в дальний правый угол. – Пресловутые двадцать четыре часа на посмертный социоконтроль тушки проводят у нас. Поучительное зрелище.

– То есть управление не занимается этими случаями?

– Не совсем. Сейчас увидишь.

Кевин толкнул очередные двери, похожие на вход в салун, и выкрикнул:

– Бармен, виски с содовой!

– Привет, Гамейро. О, ты не один. Здравствуйте, мисс. Конрад Бармен, к вашим услугам, – долговязый мужчина в белом пальто и в ушанке помахал ей. В его руке был зажат инструмент, отдалённо похожий на гвоздемёт.

Айна слабо помахала в ответ. Комната больше всего напоминала студию... собственно, и была студией. Дирижёрский пульт, сетка эмозахвата, прямооточный и достраивающий компьютеры, куча проводов на полу. Не хватало только мокап-камер, и на головы стримеров были надеты какие-то насадки.

Кроме мужчины с гвоздемётом, в студии околачивались два ассистента и сотрудник в форме управления социоконтроля. На месте ведущего громоздилась каталка с трупом. Мест-

ный работник как раз снял с головы простыню, и на Айну уставилось синюшное лицо с закатившимися глазами.

– Сейчас посмотришь, как он работает, – подмигнул Кевин.

– Утоп в ванной, – сообщил ассистент. – Нашла подруга. Подругу откачивают антидепрессантами, этого не откачали. Перебрал со снотворным, отрубил ботов, чтоб не мешали, и вырубился сам. Насовсем.

– Вряд ли что новое вытянем, – буркнул Бармен, приставляя к голове трупа гвоздемет.

Аппарат дёрнулся в его руках, череп украсился несколькими блестящими штырями. Ассистент подхватил клубок с пола и сноровисто сунул джеки в разьёмы. Айна коснулась своей головы: так и есть, рисунок повторяет разьёмы под диадему.

– Вон с площадки, – лениво буркнул второй ассистент, вставляя другие концы проводов в насадки на стримерах.

Кобры взмыли над трупом, прямоточный компьютер пискнул, вытягивая последние воспоминания бедолаги.

– Примерно так делается хоррор. Идём, Ай, – Кевин махнул рукой и зашагал к двери. Айна дробно застучала каблуками, стараясь не отстать. – Стягиваем инфу, социал заверяет акт контроля и аннулирования ипо. Воспоминания идут в базу, из них потом ребята лепят ужасные сны о гибели. Там специфический замер рейтинга, единственный случай, когда резкий вылет из гипно-сеанса приветствуется.

– Ужасно, – искренне оценила Айна. – Ужасно измываться над людьми после смерти. Загонять в них разьёмы...

– А как ещё? Мозги у них не излучают, на остаточных реакциях работаем. Потому провода, усилители и прочая тонкая мутотень. Здесь налево.

Очередная железная дверь, приёмная в оранжевых тонах, снова диваны с кучами зимней одежды. Секретарша с длинными волосами под цвет стен осмотрела Айну, усмехнулась и вытащила из-под стойки маленькую стальную рюмочку.

– Выпейте. Станет легче.

Хороший коньяк. Айна почувствовала, как у неё разгораются щёки и кончики ушей.

– Спасибо. Куда теперь поведёшь?

– Теперь займёмся сексом.

Лифт поднял их на пятнадцатый этаж. Они прошли в дверь с вывеской «Траходром». Айна ожидала увидеть всё что угодно, от оргии до конвейера. Вместо этого взгляду открылся коридор, по обе стороны которого тянулись ряды дверей. Гостиница? Секс-обслуживание в номерах?

Кевин тихонько приоткрыл дверь, над которой горел красный огонёк. В комнате вновь безошибочно опознавалась студия, и, судя по энцефалометру, шёл стрим. По пикам читалось умеренное возбуждение, сигнал шёл ровный и чёткий.

– Одна из наших лучших девочек, – шепнул Кевин, одновременно нажимая кнопку на экране.

Тот осветился и показал комнату с большим диваном. Обнажённая брюнетка полулежала, откинувшись на подушки, и легонько ласкала себя. Глаза девушки были закрыты, она закусила губу, грудь ритмично поднималась. В тёмных волосах посверкивала диадема, на которую нацелились два узких стримера.

– Сама? – уточнила Айна.

– Конечно.

– Я думала, вы напрямую пишете.

– Раньше так делали. Плохо выходило. Теперь секс в прямой стрим не идёт. Ты не представляешь, как часто люди во время процесса думают о какой-то фигне. Заказал на гипно-тиви

секс с мулаткой, проснулся и помнишь только, что в вилле над океаном надо гололандшафт сменить, хотя у тебя в жизни не было этой виллы, да и вообще ты до ужаса боишься воды и открытых пространств. Придумали другой способ. Пойдём, не будем ей мешать.

Динамик издал несколько громких вздохов.

– Она слышит?

– Быть может. Не знаю.

Айна и Кевин вышли в коридор. Провожатый ухватил её за руку и неспешно повёл дальше.

– Мы пишем фантазии, – объяснял Гамейро. – Самые обыкновенные сексуальные фантазии. Во-первых, в них может быть что угодно. Любой секс, грязный, дикий, безумный, за который ты схлопочешь инфракрасный ипо до конца жизни. Во-вторых, они более чёткие, поскольку объект сосредоточен только на себе. И мальчики, и девочки неплохо знают своё тело, понимают, когда надо поднажать, а когда – сбросить темп. И главное.

Кевин остановился, сгрёб Айну в объятия.

– В фантазии всегда всё идеально и всегда всё получается. Не так, как в жизни. За этим и приходят к Красному конгломерату.

Его лицо было очень близко, косички ласкали щёки, губы изгибались в ухмылке, серые глаза прожигали насквозь.

– Хочешь попробовать, Айрилл?

Она улыбнулась и сморщила нос.

– Ты очарователен. Но – нет.

– Как знаешь.

Кевин преспокойно выпустил её и потащил к очередному лифту.

За панорамным окном уходил к горизонту город. Кубы, пирамиды и параллелепипеды бывшей деловой части Сан-Анджелеса соперничали архитектурными изысками и излишествами. Далеко внизу бродили люди-муравьи.

Айна пила травяной чай с творожным десертом, Кевин потягивал через трубочку безалкогольное пиво с вишнёвым сиропом.

– Своё шоу покажешь? «Дом с зеркалами» очень популярен. Ты – отличный редактор.

– Его не здесь снимают. Мы действительно нашли особнячок, обосновали его дисконмутацию. Туда привозят по воздуху, селят и начинают пугать. Раскрывать секреты шоу я не буду, сама понимаешь, – Кевин ослепительно улыбнулся. – Но оно полезно, как ни странно. За нашими жертвами долго присматривают психологи, и все пугалки выстроены под личные страхи. Сумел пережить – молодец. Прикладная терапия. Это вам не бриз-шоу.

– Вот только не надо... – начала Айна, но усмехнулась в ответ. – Понимаю я всё. Мы поглаживаем человечество, вы – пощипываете, и все довольны. Только мне, например, в голову не приходит, почему люди снят ужасы. Секс – понятно, экстрим – ещё так-сяк, а вот ужасы...

– Айрилл, я снял запись твоего последнего шоу.

– Крайнего.

– Чуется мне – последнего.

Айна поперхнулась.

– Кстати, у меня есть официальная директива от руководства предложить тебе работу, если ты полетишь с Радужки. Но не о том. Так вот, о бриз-шоу. В заповеднике ты была по-настоящему, да?

– Угу. Чуть не погибла.

– Вот в этом и разница. Красный конгломерат даёт людям безопасный адреналин. Когда совсем страшно – экстренный выход из гипно-тиви. Разбился – понарошку, проснулся, смыл холодный пот, и жизнь прекрасна. Или нет у кого-то девушки. Может стать сексуальным манья-

ком или просто заказать нужный сет. Во сне кончил, велел стиркоботам разобраться и пошёл творить добро. Мы стравливаем людям пар, Айрилл.

– Сон – это жизнь, – тихо произнесла Айна.

– Именно. Жизнь – это сон. Самые яркие переживания проходят во сне. И куча безопасных развлечений в реальности.

– Может, мы всё это тоже сним?

Редактор хоррор-шоу молча допил пиво.

– Когда задаёшь себе этот вопрос – или спиваешься, или идёшь проверять мостовую своим черепом. Профдеформация. Не делай так, Айрилл. И подумай насчёт работы у нас.

Пискнул комм. Кевин Гамейро глянул на вирт-экран.

– Извини, мне пора. Заглядывай ещё. Коммутнуться можешь прямо отсюда, официант принесёт тебе рюкзак.

– Хорошо. Спасибо, Кевин. Это было очень... познавательно.

Айна встала, обняла парня. Почувствовать, что он есть, ощутить тяжесть и тепло его ладоней.

– Береги себя.

Он ушёл. Айна допила чай и долго смотрела в окно. Официант положил на стол рюкзак и коммуникатор. Ей три раза звонил Родни, один раз Гелька и один раз ещё кто-то. Неужели рыжая стерва провалила сегодняшнее шоу? Айрилл поняла, что этот вопрос её совершенно не занимает.

Место коммутации: домой.

Количество перекоммутаций: 1024.

Жаль, нельзя выставить больше.

Восьмая или девятая итерация привела Айну на берег моря. Темнело, и в сумерках высокие белые обрывы выделялись особенно ярко. Ветер трепал юбку, она развевалась, как парус на мачте. Пенные гребни накатывались на скалы и с рокотом брали передышку, чтобы через секунду в очередной раз обрушить водяной молот.

Айна набросила на плечи оранжевую куртку. В этой части мира царила осень, и холодный бриз выдувал тепло из ведущей бриз-шоу.

«...проверять мостовую своим черепом».

Внизу наверняка есть валуны. Смерть наступит быстро, тело никто не найдёт. Смерть – или пробуждение?

На фиолетовом небе вспыхивали первые звёзды. Айна смотрела на них и не видела, как таймер, отсчитывавший секунды до перекоммутации, внезапно остановился. За спиной раздались тихие шаги. И знакомый напев.

– Хорошее место, – произнёс техник.

– Да, – ответила Айна и обернулась. – Хотела отдать вам куртку. И снова стою в ней. Простите.

– Ничего. Забери себе.

Техник стал рядом. Юбка плеснула по его ногам.

– В «Изумрудной Долине» – это был не сон?

– Нет.

– А сейчас?

– И сейчас нет. Хотя не поручусь, Айрилл.

– Айна Лири. Меня зовут Айна Лири. Айрилл существует только в стриме гипно-тиви.

– Хорошо, Айна Лири. Запомню.

Он замолчал. Ветер усилился, и Айна поёжилась.

– Мне постоянно кажется, что я сплю. Что все вокруг спят и снят бесконечные развлечения.

Техник хмыкнул.

– Один китайский мудрец во сне увидел себя бабочкой. Он долго порхал над цветами, а когда проснулся – задумался. Кто он? Китайский мудрец, которому снилось, что он бабочка? Или бабочка, которой снится, что она китайский мудрец?

Айна потёрла кончик носа. Пропустила косичку между пальцев.

– Хорошая притча. Вы – китайский мудрец.

– Маловероятно.

– А я – бабочка?

– Ещё нет, – лифтёр посмотрел на Айну. Морщины собрались в уголках его глаз, он улыбался чему-то бесконечно далёкому, бросавшему ответ на его лицо. – Ещё нет. Но можешь ею стать.

Комм ожил и заверещал аларм-сигналом.

– Иди. Твоя кабина сейчас придёт.

Айна медленно шла к транспорт-площадке. Высокая трава щекотала ноги, ветер играл с косичками и пытался сорвать куртку. Ослепительно-белая кабина готова вернуть её к людям.

Техник смотрел на тонкий силуэт, исчезающий в электрическом свете.

– Иди. Принеси им новый мир.

Глава третья. Истории Айны Лири

– Напаскудила она, а увольняют меня почему-то. Что за... – голос Гельвы оборвался на полувизге.

В приёмную Дона Крпера, директора Радужного канала, вошла Айна Лири.

– Дорогая! – пропищала рыжая, меняя тон и жалобно хлопая ресницами. – Меня уволили.

Айна молча прошла мимо. Её ждало высокое начальство.

Мистер Крпер сидел в кожаном кресле и близоруко шурился на неё поверх роговых очков. Человек с его ипо давно мог восстановить себе стопроцентное зрение, но он любил очки.

– Госпожа Лири! Проходите.

Так. Начало не предвещает ничего хорошего. В добром расположении духа директор обращался к ней на «ты» и по имени. Ох, вылечу сейчас вслед за Гелькой. Впрочем, не всё ли равно?

– Я вас слушаю, госпожа Лири.

– Простите, – она мягко улыбнулась, – но, кажется, это вы хотели меня видеть.

– Да. Чтобы дать вам возможность объяснить своё поведение в эфире. Итак, я вас слушаю.

– Мне нечего сказать, Дон. Да и стоит ли? Может, я просто напишу заявление об уходе?

– Айна! – Директор встал, подошёл, навис горой. – По правилам нашего канала я и правда обязан тебя уволить. Но зрители, вопреки ожиданиям, пришли в восторг от твоего, гм, шоу. И рейтинги – за тебя. Что же мы будем делать?

– Новый проект, – глядя в глаза, ответила Айна.

Дон вернулся в кресло, снисходительно хмыкнул.

– И что ты ещё придумала?

Айна снова улыбнулась – мягко, искренне, без тени кокетства и жеманства. Достала из сумочки микрочип, протянула директору.

– Хочешь взглянуть?

Дон ещё раз хмыкнул. На этот раз заинтригованно.

– Вижу, ты пришла подготовленной.

– Недавно со мной кое-что случилось, Дон. После чего я много думала и читала, пришлось поднять очень старые архивы. Мне стало интересно, как жили люди раньше, задолго, очень задолго до нас...

Директор Радужного канала выслушал её, не перебивая. Потом ещё какое-то время молча моргал. И наконец неуверенно пробормотал:

– Да...

Прокашлялся и добавил уже уверенней:

– Да. Идея рискованная, но сработать может. Я словно наяву вижу: непревзойдённая Айрилл в новом реалистичном гипно-шоу!

– Никакой Айрилл! Отныне я – Айна Лири. Для всех. И ещё одно – хочу, чтобы моей помощницей стала Гельветика Сандерс.

– Святой телереjting! Зачем тебе эта рыжая дрянь? Слышала бы ты, что она тут о тебе городила!

– Из-за меня девочка лишилась работы.

– Да она с лёгкостью найдёт новую! Посмотри на неё, эта «девочка» в любую дыру без мыла пролезет.

– Вот именно. И где окажется в итоге?

– Я тебя не понимаю...

– Я сама себя тоже. Но мне кажется, что я могу сделать что-то... для кого-то... Хотя бы для неё. Кроме того, она – уже звезда. Которую мы, между прочим, и вырастили. Вот пусть её имя послужит для нового проекта.

– Ладно. Захотела в дочки-матери поиграть, будь по-твоему, – директор махнул рукой, всем видом показывая, что если его взбалмошной ведущей – простите, теперь уже руководителю нового проекта – пришла в голову очередная блажь, то он готов милостиво закрыть на неё глаза.

И всё-таки она звезда. И они это признали. На следующий же день после увольнения пригласили в новый проект. Работать, правда, придётся с этой сумасшедшей Лири, но ничего. Переживём. Бывает и хуже. Наверное...

Гельва содрогнулась, вспомнив своё последнее (воистину – последнее) бриз-шоу. Срочно выйти в эфир, спасти ситуацию, о чём там бредила Айрилл? О каком-то взбесившемся цветке. Цветы, значит. Розы. Нет, фиалки. Целая поляна фиалок – сиреневых, белых, жёлтых, бархатных и необычайно крупных. Ароматный ковёр, на котором сплелись тела двух влюблённых. Банально, конечно, но времени на оригинальничание нет. Зато цветы красивые. Что ещё можно придумать? Бабочки. Или лучше колибри – кружатся над влюблёнными. Холодная капля росы падает на обнажённое плечо девушки.

Холодная, как вода в бурной реке. Бурной, но какой-то нелепой, словно нарисованной от руки, да ещё и младшеклассником.

Ой, о чём это я?

Река была в воспоминаниях Айрилл. Хотя какие воспоминания? Насочиняла она всё!

Нарисованная волна накрывает фиалковую поляну...

«Изумрудная Долина», ха! Враки стареющей неудачницы, желающей привлечь к себе внимание.

...увлекает с собой влюблённую парочку. Парень вверх ногами висит на коряге, из ушей торчат фиалки, девушку уносит дальше, а вода заполняет собой всё пространство и бушует, бушует.

Как бы она выбралась из настоящей дикой реки? Утонула бы тут же! Ой, Лири, Лири, сказочница. Трипом тайно от всех увлекается, а потом сочиняет небылицы. И неудивительно – под кайфом и не такое привидится.

Вода холодная, немеют руки, несущееся мимо бревно гулко бьёт по голове, а затем убегает по реке на нарисованных ножках.

Надо было всё-таки...

– ГЕЛЬВА!!!

Рыжая встрепенулась. Мамочки, ой! Что это было? Она пустила ЭТО в прямой стрим? Гельветика рванула диадему, её тело дрожало, будто и правда в ледяной воде искупалась. Как она могла потерять контроль над собой? С нею никогда ничего подобного не случилось. Да, увлекалась пару раз, пуская в стрим интимные воспоминания, но чтобы такую чушь... Это всё Лири! Отравила атмосферу своими кошмарами. До сих пор шум воды чудится, и пальцы немеют.

И сама тоже хороша – надо ж было так заикнуться на этой реке! Не собиралась же о ней думать. И «издеваться над каналом и зрителями» тоже не планировала. И вообще, почему это Айрилл переутомилась и сорвалась, а она, Гельва – издевается? И Айрилл после эпатажного выбрыка предложили отпуск, а ей на дверь указали?

Чёрная несправедливость.

Впрочем, ладно. Главное, она снова в эфире. И неважно, что проект абсолютно идиотский (кто такую чушь вообще снить будет?), а его руководитель – ненормальная. Главное – остаться на Радужном. Сохранить карьеру и репутацию. А дальше – она уж постарается. Сделает всё, чтобы показать, кто здесь истинная Звезда!

«В сегодняшнем сне вы проживёте жизнь Клеопатры – египетской царицы, правившей в первом веке до нашей эры. Историческая справка: цари, императоры, султаны – это...»

На подготовку первых выпусков шоу под названием «Истории Айны Лири» ушло почти шесть месяцев – рекордное время для подобного проекта. Целый штат редакторов-пахарей с бледно-тёплым ипо раскапывали информацию об интересных людях, событиях, явлениях. Целый штат. Но снить программу могла одна лишь Айна. Не потому, что не доверяла, а оттого, что не получалось ни у кого настолько слиться с той же Клеопатрой, чтобы снителю ощутил себя древней царицей – до мурашек по коже прочувствовал её величие, жестокость, влюблённость, отчаяние, её глазами увидел Древний Египет, Рим, Цезаря, Антония.

«Сегодня вам предстоит стать Роксоланой, женой султана Османской империи. Историческая справка: об отношении к женщинам на Древнем Востоке стоит сказать отдельно...»

Единственным человеком, который мог подменять Айну на записях программ, оказалась, как ни странно, Гельва. Неким чудом рыжая стервочка научилась перехватывать её эмоциональный настрой и отправлять в стрим с поразительной точностью, а иногда – с довольно удачными дополнениями. Да, поначалу были проколы, но Гельветика проявила завидное упорство в работе над ошибками. Особенно хорошо ей удавались жестокие сцены – казни, пытки, убийства. Вот на них, в основном, она Айну и заменяла.

«...однако начинала жизнь будущая султанша не во дворцах и роскоши, а в жалком посёлке, на который постоянно нападали разбойники, в маленьком одноэтажном домике, где даже душа не было, зато во дворе бегали свиньи. Историческая справка: свиньи – это такие домашние животные, из которых раньше получали мясо. Да-да, то, что у нас сейчас синтезируют».

Все эти люди, жившие за века, за тысячелетия до нас, – они сражались, страдали, голодали, боролись за существование, которое порой было похоже на кошмар, но они именно ЖИЛИ! А не играли в бесконечном ток-шоу.

«Начало двадцатого века. Николай Второй, революция, гибель царской династии. Что мы знаем о революциях?»

У «Историй Айны Лири» хороший рейтинг. Не самый высокий, но весьма на уровне, как для неформата. Жаль только, что информации о старых временах в архивах сохранилось так мало. Сколько всего интересного остаётся за кадром? А ещё жаль, что большинство снителей считает эти истории красивой выдумкой, а саму программу – облегчённой версией Красного конгломерата. Пусть им. Есть и те, кто понимает настоящую цену.

«Двадцатый век. Первый полёт в космос. Вспомним, как мы мечтали о звёздах».

Оставайтесь с нами. Сон – это жизнь. «Истории Айны Лири» – лучшее утреннее пробуждение!

«Скрипнул деревянный помост, за спиной гудела толпа, бешено стучало сердце, хотелось кричать и плакать. Но нельзя. Никто из них не увидит страха и отчаяния в глазах королевы. Она опустилась на колени. Лезвие гильотины рухнуло вниз. Палач поднял над толпой голову казнённой королевы. Мария Антуанетта открыла глаза».

Диадема слетела с головы, Гельва вывалилась из кресла. Её тошнило. Выворачивало снова и снова. Ей не впервой эмоционализировать казнь, но чтобы так – открыть глаза после смерти! Желудок снова сжался в ком, тело забило в судорогах, и студийный ковёр украсился ещё одним пятном, прибавляя работы наноботам. Гельва застонала и поползла по полу, не в

силах подняться. В соседнем кресле заворочалась, отключаясь от гипно-приборов, Айрилл. Сучка! Как свадьбу с королём сэмоционировать, так сама, а как гильотину – давай ты, Гельвочка.

– Ненавижу её, – прохрипела рыжая. – Ненавижу!

– Геля, милая, выпей!

Ассистент протягивал стакан с водой. Гельва ударила его по руке и в ярости заколотила кулаками по полу.

– Специально меня в проект взяла, чтобы поиздеваться. Дрянь! Ненавижу! Чтоб ты...

Стайка медботов втащила её на носилки, вколола успокоительное и укатила в гримёрку.

Айна смотрела на разыгравшуюся сцену равнодушно. К Гелькиным взрывам ярости она привыкла. Придёт в себя – будет извиняться и просить не увольнять из проекта. Вот же неугомонная карьеристка. Ей бы в двадцатом веке жить, она бы всех бизнес-леди за пояс заткнула. И бизнесменов тоже.

Впрочем, особого выбора у Аины нет. Одной эмоционировать абсолютно всё – нерально. А других достойных помощников пока не наблюдается. Нужен человек, умеющий либо чувствовать её так, как это получается у Гельвы, либо переживший нечто подобное «Изумрудной Долине». В начале работы над проектом Айна разыскала Риву, предложила сотрудничество, но та лишь руками замахала. «Изумрудную Долину» она тщательно забывала, запивая снотворным или спиртным, а то – и тем, и другим сразу, и ко времени появления Аины почти уговорила себя, что это был лишь сон. Перепутались настройки в коммутаторе – вместо бризшоу включился вдруг «Дом с зеркалами».

– Зачем ты пришла? Кто просил тебя будоражить прошлое?

Рива хлопнула в ладоши, боты услужливо плеснули в стакан виски.

– Но, Рива, ты можешь использовать свой опыт.

– Не желаю ничего использовать. Я забыть хочу этот ужас, понимаешь? Пить будешь? Нет? Тогда уходи.

И к кому ещё идти за помощью? Супермена Сейвера Айна в расчёт не брала, детей – по понятным причинам тоже, был ещё Лой Карев... К слову о Лое. Айна улыбнулась и пошла к гримёркам. Кажется, она знает, как поднять рыжей бестии настроение.

Бото-улитки ползли по обнажённому телу, щиплясь лёгкими разрядами тока, снимая напряжение, как с тела, так и с души. Гельва лежала на белоснежном столе, постепенно приходя в себя. Вокруг неё хлопали крыльями разноцветные бото-бабочки, ионизируя воздух.

Она – Звезда. Это признаёт даже Айрилл. Вот, притащила приглашение на завтрашний концерт Лоя Карева. В качестве компенсации за отрубленную голову. Что ж, сходим, посмотрим на этого красавчика.

Заодно и себя покажем.

Гельветика с наслаждением потянулась, подставила холёные пальчики мастеру маникюра. Улитки доделали своё дело и одна за другой скатывались с девушки. За дверью кто-то громко восхищался Айной Лири. Радуйся, Айрилл, пока можешь.

Завершив сеанс красоты и релакса, рыжая красotka томно сползла со стола, накинула на плечи алый кружевной пеньюар. У неё для стареющей блондинки есть два сюрприза. Первого зовут Кони Вайдер – экзобиолог и просто красавчик. Больше всего на свете он любил секс и популярность. От Аины Лири получал и то, и другое. Почти два года. Пока однажды Айрилл – идеальная Айрилл, любимица миллионной публики – не вышла к нему с насморком и без макияжа.

– Дорогая, – наморщил носик Кони, – не делай больше так. Твой вид противоречит моему чувству прекрасного.

Айрилл указала ему на дверь и изо всех сил старалась казаться равнодушной, но на самом деле, разумеется, страдала. На прошлой неделе Гельветика закрутила с Вайдером интрижку. О нет, не интрижку – роман! Разумеется, это будет событием года. Когда они с Кони выйдут в свет – об этом сообщат все каналы.

А появятся на публике они уже завтра вечером. На концерт Лоя Карева она придёт под ручку с бывшим мужчиной Айрилл. И пусть все полюбуются на их счастливую пару и несчастную брошенную Лири.

Но это всё ерунда по сравнению со следующим шагом. Послезавтра, через каких-то пару суток в стрим Роуз-канала – главного конкурента Радужного – выйдет шоу, которое сделает её, Гельву, мегапопулярной, а ипо Айрилл позорно уползёт в инфракрасный сектор.

Гельветика снова потянулась. Скорей бы послезавтра!

* * *

Двери лифта распались серебристыми звёздочками, и Айна оказалась в холле концертного зала. Бросила взгляд на зеркальную стену, вернее, на своё в ней отражение: мягкие кожаные туфли без каблуков, фиолетовые брюки – ничего ультрамодного, зато с терморегуляцией, чтобы не замёрзнуть ночью, во время перекоммутаций, светлая блуза с глубоким декольте – вот что даст фору любым спецэффектам. Распущенные волосы, струящиеся по плечам, никакого макияжа – никто и не узнает. На толпы поклонников она сегодня не настроена.

У барной стойки размахивала руками Гельва, облачённая в причудливую кружевную тунику изумрудного цвета. Кто это с ней? Кони?! Вот это новость! Айна едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Может, хоть теперь он перестанет «неожиданно» сталкиваться с ней в ресторанах, парках, на вечеринках и прочих мероприятиях и заискивающе заглядывать в глаза. И прекратит звонить пьяный по ночам.

Она тряхнула волосами и бодро направилась к бару.

– О, Кони! Какой сюрприз!

Кони тупо моргнул, а Айна продолжила:

– Гельва, дорогая, ты прекрасна. О! Какие туфельки!

Рыжая кокетливо вытянула ножку. Туфельки, и правда, были изумительны – прозрачные, сделанные из так называемого мягкого стекла, на высоких каблуках, внутри которых плавали крохотные золотые рыбки.

– Ты тоже, гм, очень мило выглядишь, подруга, – сообщила она Айне.

– Что же, концерт вот-вот начнётся. Пройдёмте, друзья!

Мультисаксофонист Лой Карев сидел в центре оркестра, в секторе маджента-колор. Айна улыбнулась. В недавней беседе Лой рассказал, какую головомойку устроила ему благоверная полгода назад – за то, что сорвал концерт. Но когда закончила кричать и соизволила услышать, что любимый едва не погиб в жутком сафари, смягчилась. И не только уговорила боссов не увольнять Лоя, но ещё и добилась, чтобы маджента-колор закрепилась за ним навеки.

Любит его Вердана.

Зазвучала музыка. Тонкая волна, рождённая флейтами, падает на спрятанный за сценой эквалайзер и возвращается к публике волною зелёной, из которой вырастает целый лес деревьев. Скрипки дают лесу небо. Ударные – тучи и молнии. И вот, наконец, на поляне появляется прекрасный олень цвета фуксии.

Сектор мадженты-колор хорош тем, что его музыкант может рождать образы по своему усмотрению, главное – чтобы вписались в общую картину. Остальные – по чётко установленному плану.

Олень летит по чаще, изящно уходя от сверкающих над ним молний, то взмывая вверх, то припадая к земле, то гордо вышагивая, красуясь, гарцуя на месте. Подключается новая мелодия, разливаясь рекой. Где-то там за нею ждёт ветвисто-рогатого героя олениха – на противоположном берегу маячит её силуэт, тоже цвета мадженты. И олень уже мчится, готовясь броситься в плыв, но у самой воды падает, сражённый чьим-то копьём. Рядом с ним бьёт молния. Одна, другая, третья, но ни одна не смеет добить лесного красавца.

А он, умирая, поднимает голову и смотрит в зал...

Лой Карев тоже не может избавиться от «Изумрудной Долины». До сих пор.

– Вам понравилось? – спросила Айна, когда они вышли из зала.

Кони промолчал, лишь метнул в неё затравленный взгляд. Впрочем, он весь вечер их бросал. А Гельветика презрительно надула губки.

– Не знаю. Что он хотел этим сказать? Жестокость ради жестокости.

– Так бывает. В жизни... Настоящей.

– Ерунда! – фыркнула рыжая. – Вот это жизнь! Это – настоящее!

Она ткнула пальчиком в расфуфыренную изнеженную толпу и скривилась, словно готовясь расплакаться.

– А фуксиевые олени, равно как и твои императоры и революции – плод чьей-то больной фантазии. Но даже если всё это и существовало когда-то, то уже давно умерло и никому не интересно. Надо жить настоящим, дорогая Айрилл!

И прежде чем Айна успела ответить: «Не называй меня так», – схватила ненаглядного Кони под руку и уцокала в сторону бара.

Айна осталась в холле. Кто-то хохотал прямо ей в ухо, кто-то толкался, кто-то, несмотря на маскировку, пытался взять автограф. Глупый безнадёжный мир. В толпе мелькнуло оранжевое с красным. Айна встрепенулась, присмотрелась – не показалось ли? Нет. Знакомая куртка, знакомый профиль. Что ж, дорогая. Хочешь настоящего? Оно у тебя будет.

– Гельва, милая, – спустя несколько минут Айна подошла к «подруге», манерно присела рядом, изображая светскую львицу. – Напиваться в концертном баре неприлично. От этого ипо теплеет и меркнет. Айда в «Синее манго» – оно всего в одной коммутации отсюда.

Гельва посмотрела на неё, удивлённо моргнула. Покрепче вцепилась в Кони. Тот сменил тактику – теперь он старательно отводил взгляд от Айны, на Гельветику тоже не смотрел и, вообще, на лбу у него было написано: хочу оказаться где угодно, только не здесь.

– Что ж. «Манго» так «Манго», – дёрнула плечиками Гельва.

Они вошли в лифт. Три минуты до популярного кафе. Три... четыре... пять... шесть...

– Что-то долго, – пискнула Гельва, а Айна услышала уже знакомый хрипо-шёпот «хро-о-о...», и двери рассыпались сотнями бисеринок.

Троица пассажиров оказалась на полянке, залитой тусклым жёлтым светом. Кони бес толково заозирался, Гельва же вся подобралась.

– Где мы? Айрилл? Что это такое?

– Ещё раз назовёшь меня Айрилл и останешься тут навсегда, – спокойно сообщила Айна.

– Что это за место?

– Видимо, манго. Гм. Пожелтевшее.

– Я тебе сейчас все патлы повырываю, если не скажешь, куда ты нас притащила!

– Девочки, не ссорьтесь! – Кони стал между ними. – Гельва, успокойся и замолчи. Айна, ты знаешь, где мы находимся?

– Знаю только, что лифты иногда сбоят. Вернее, последнее время они выходят из строя всё чаще.

– Куда техники смотрят?! – взвизгнула Гельва.

– Помолчи. Продолжай.

– Прошлый раз меня и ещё нескольких человек, в том числе и Лоя Карева, выбросило в «Изумрудную Долину». Жуткое место. Куда мы попали сейчас, я не знаю. Но одно могу сказать наверняка – здесь всё будет иначе. Не так, как в нашем привычном мире. Никаких регуляторов температуры, никакой еды и питья по мановению руки... Всё будет по-настоящему.

– Ничего здесь не будет, потому что я уйду! – Гельва метнулась в сторону кабинки, но наткнулась на пустоту. – Где? Где лифт? Я не желаю здесь оставаться ни на минуту.

– Тихо! – Кони шикнул на подругу, но та и не думала униматься.

– Она подстроила! Айрилл всё подстроила. Она вообще словно свихнулась в последнее время.

– Замолчи. Я знаю, где мы.

– И где же? – в один голос спросили девушки.

– Это заповедник разумных двоехвостов. Он, правда, считался затерянным, но... Смотрите!

На желтоватом, словно покрытом песком, дереве сидело несколько человекоподобных существ с длинными хвостами.

– Хе. Заповедник! – Гельва выдохнула с облегчением, подошла к дереву. – Э-эй, тварючки! Вы знаете, где выход? Ты же сказал, они разумны! Почему тогда с людьми не разговаривают?

– Именно поэтому! – пробурчала Айна.

А двоехвост спрыгнул на землю. За ним спустились его собратья. Хвост у них действительно двойной – расходится гибкой рогаткой у самых покрытых пушком ягодич. Одежды у аборигенов не было – только густой мех, выполняющий, видимо, функцию и трусов, и маек (или бюстгалтеров?), и мелкий серый пушок по всему телу. Широкие ноздри постоянно нюхали то ли воздух, то ли пришельцев. И вроде животные животными, но глаза... Голубые озёра – у кого-то темнее, у кого-то светлее, ясный, пронзительный взгляд, не злой и не добрый, скорее – наблюдающий. А ещё выяснилось, что двоехвостов на дереве было гораздо больше, чем показалось сначала. Они медленно и даже как-то торжественно выстраивались вокруг троих людей, пока те, наконец, не оказались замкнутыми в кольцо.

Тогда двоехвосты пошли.

– Куда они нас ведут? К выходу? Эй, вы! Вы вообще человеческий язык понимаете? – поинтересовалась Гельва и тут же получила хвостом по спине.

– Ай-й-й! – Она рухнула на четвереньки. – Тварюки! Кони, сделай что-нибудь. Врежь им! Кони подскочил к девушке, рывком поднял на ноги.

– По-моему, нам лучше просто идти за ними. Если не дёргаться, они нас не тронут. Возможно, и правда, выведут к выходу. Если нет – здесь должны быть наблюдатели. Я бывал в подобных заповедниках. У них на экранах вся территория просматривается. Если какое-то ЧП, тут же высылаются бригады спасателей. В любом случае, нам ничего не угрожает.

Некоторое время царила тишина. Потом Гельва не выдержала.

– Ноги боля-я-ят. Ноги! И холодно. Где эти идиотские наблюдатели? – захныкала она, а двоехвост флегматично проехался по ней хвостом, заставив снова взвизгнуть.

По ощущениям Айны, они шли уже с полчаса, пейзаж не менялся – всё те же припорошённые «песком» деревья, широкая тропа и тусклый желтоватый свет. Гельва скулила, Кони хмурился и сосредоточенно осматривался, Айна в принципе была спокойна, но в то же время в голове недобитым комаром вертелась мысль. Да, техник согласился забросить их в «какое-нибудь экзотическое место», но вытаскивать оттуда не обещал. Айна думала, что это подразумевается по умолчанию. Теперь уже сомневалась.

Тропа закончилась крутым склоном. Процессия остановилась, двоехвосты смотрели на людей, а те с опаской косились вниз. Там было глубоко и темно.

– Чего они от нас хотят? – прошептала Айна.

– Это у тебя надо спрашивать, – всхлипнула Гельветика и попятилась от края.

В тот же миг раздался свист, сразу четыре (или два?) хвоста хлестнули рыжую по ногам, сбрасывая вниз с обрыва.

– Гельва! Вы что творите?! – Кони бросился на двоехвостов, но тут же был повергнут и спущен вслед за возлюбленной.

Хвостатые повернулись к Айне.

– Стойте! Я сама спущусь, – она выставила руки вперёд, медленно попятилась к обрыву, стала на четвереньки. – Я спускаюсь, видите? Вы же этого хотели?

Остаётся надеяться, что именно этого. В смысле, транспортировать пленников на дно оврага, а не просто скатить их по склону и посмотреть, как быстро сломаются руки-шея-позвоночник. Двоехвосты не шевелились. Да уж, может, они и разумны, но трудно понять, что у них на уме.

Айна опустила ногу, попыталась нащупать хоть какую-нибудь опору. Сколько после Изумрудной синяки заживали? Около месяца? Здравствуй, новое приключение. Двоехвосты наблюдали за ней заинтересованно. Затем переглянулись, кивнули, сели, выставив вперёд хвосты, и, оттолкнувшись, поехали по склону, словно детвора зимой на санках.

«Если они все скатятся, можно будет удрать и поискать выход», – мелькнуло в голове, но не тут-то было. То ли догадливый, то ли сердобольный двоехвост подхватил её на руки, прижал к себе и помчался вниз. От него пахло потом и травами. А ещё он постоянно клонился то на один бок, то на другой, подпрыгивал на кочках.

Айна зажмурилась, изо всех сил стараясь не визжать.

Овраг встретил их всё тем же унылым пейзажем. Жёлтый свет, песок, только деревьев не было. Гельва и Кони приземлились более или менее удачно – двоехвосты подхватили их на полпути, доставив на дно невредимыми. Только у Гельветики щека и плечо расцарапаны, у Кони синяк на подбородке, и одежда у всех запылилась и местами изодралась. А ещё у Гельвы каблук сломался, рыбки выплеснулись на песок, а рыжей пришлось продолжать путь босой, сопровождая каждый шаг охами и ахами. Айна же в очередной раз благословила свой наряд. Грудь, правда, мёрзла. А ещё двоехвосты как-то странно на неё косились. А в остальном – почти комфортно было. Поест бы.

Они остановились у большого поля, на котором возилось множество существ. Айна тут же условно разделила их на три вида. Первые напоминали людей, вторые, кажется, людьми и были, а на что похожи третьи, она даже не рискнула предположить.

Высокий двоехвост с длинной гривой волос ткнул пальцем в сторону поля и сообщил пленникам:

– Рабы. Работать, – и добавил: – Вперёд.

Это были первые человеческие слова, сказанные хвостатыми. Пленники растерялись. Конвоиры подтвердили приказ толчками в спину.

– Что они хотят? – простонала Гельва. – Кони, ты уверен, что это – заповедник?

– Что такое «рабы»? – в свою очередь спросил Кони.

– Неудачники с меганулевым ипо, которые в древние времена были собственностью других людей. Ты бы хоть одну нашу с Айной передачу просил! – возмутилась рыжая.

– Да, – пробормотала Айна, оглядываясь по сторонам, – недавно выпуск про Спартака был.

– Как это «собственностью»?

– А вот так! Как дом или яхта.

– Ты хочешь сказать, что мы – собственность двоехвостов?

– Я ничего не хочу сказать! Я домой хочу! Не могу больше! Сделай что-нибудь, ты же мужчина!

Кони моргнул. Вид у него был несчастный. Их конвоиры остановились, повернулись налево и указали на группку людей, рвущих какую-то траву.

– Работать!

– Я не буду! – завизжала Гельва. – Не буду! Кто я, по-вашему? Средневековая крестьянка? Жалкие твари! Вы же даже не люди. Животные. Мрази! И уберите от меня свои хвосты! Ай!!!

Она упала под градом ударов живых плетей. Кони, казалось, оцепенел. Смотрел на извивающуюся Гельветику, а видел... Кто его знает, что он там видел. Айна бросилась к подруге. Упала на колени перед двоехвостами.

– Прекратите! Пожалуйста. Она всё сделает. Мы всё сделаем. Но если вы её изобьёте, она вообще не сможет работать. Не-смо-жет-ра-бо-тать, понимаете? И потом, она же девушка. Разве можно так с девушками? Вы ведь... благородные двоехвосты! («Что я несусь?»)

Голубые глаза смотрели на неё с большим любопытством, хвосты подёргивались. «Сейчас отметелят сильнее, чем Гельву», – мрачно подумала Айна. Но конвоиры отступили. Сделали знак бродящему в высокой траве двоехвосту – надзирателю за рабами, видимо. Ещё раз сообщили троим пленников, что они должны работать, и удалились.

– Возьмите. Помогает от боли, ускоряет заживление ран, – симпатичная девушка с короткими чёрными волосами протягивала Гельве мясистый зелёный листок. – Я всегда ношу его с собой, на всякий случай. Жуйте скорее! Если не будете работать, вас опять побьют.

– Почему я должна тебе верить? – всхлипнула Гельва.

– Жуй! – шикнула на неё Айна и повернулась к брюнетке. – Что это за место? Как вы сюда попали?

– Не знаю. Я почти ничего не помню из прошлой жизни. Знаю лишь одно – я должна работать и во всём подчиняться хвостатым господам. Да, кстати. Нужно вырывать только ту траву, которая не покрыта песком. Перепутаете – побьют.

И вернулась к сорнякам.

Гельва сжевала лист, села на землю и заплакала. Кони растерянно топтался рядом. Двоехвосты-надзиратели уже недобро косились в их сторону.

Айна наклонилась к траве. Остервенело рванула кустик с гладкими, глянцевыми листьями, затесавшийся в рядок запылённых бархатистых растений. Он поддался на удивление легко. Она выдернула второй, третий, четвёртый, словно вымещая на сорняках всю злобу, накопившуюся за день.

– Кони! Гельва! Хватит реветь, рвите траву. Или вам жить надоело?

Рыжая поднялась, икнула и неуверенно вырвала один кустик. Кажется, лекарство брюнетки помогло – во всяком случае, ходить Гельва могла. Но смотреть на неё было больно. От туники – одно название, тело – всё в алых полосках. «Светская львица» лишила жизни ещё один глянцевый сорняк. Внимательно на него посмотрела.

– Что же... нам теперь до конца жизни их рвать?

– Успокойся! Осмотримся, отдышимся, поговорим с другими пленными людьми и что-нибудь придумаем.

«Техника дожждёмся».

– Но сейчас главное – не злить их. Совершим обманный манёвр – будем рвать траву.

Гельва кивнула. Идея, что она не служит двоехвостам, а подло их обманывает, ей понравилась. Кони между тем уже вовсю работал.

– И потом, – Айна постаралась улыбнуться как можно беззаботней, – были мы с тобой царями, можно для разнообразия и рабынями побыть.

Прошло часа два, а может, три или четыре – определить точное время здесь было почти невозможно, – когда надзиратели закончили монотонно вышагивать мимо согнутых в три погибели пленников и сообщили:

– Отбой! Ужин! Спать!

Потом несколько раз прокричали ещё что-то на непонятных Айне языках. Видимо, повторили то же самое для не-человеческих рабов.

– Послушай, – она тронула за руку брюнетку, оказавшуюся рядом с ней в строю. – Сейчас что – вечер? А когда мы пришли, был день? Ничего не изменилось...

– Здесь всегда так. Одно время суток. И всегда полумрак. Господа не любят света. И только господа знают, когда вечер, когда день, а когда утро.

– Как тебя зовут?

– Сара.

– Куда нас ведут?

– Домой. Ужинать и спать.

Ладно. Хотя бы отдохнём. А там, может, что-то и прояснится. Сара, например, разговорится, вспомнит что-нибудь.

Всех людей – их оказалось около двух десятков – привели в большую пещеру, на полу которой валялись покрывала, одежда, миски. Работяги попадали каждый на свой коврик, и Айна с Кони и Гельвой обнаружили, что им осталось место у самого выхода. Спорить не стали. Не было сил.

Айна рухнула на свободный коврик – от него пахло плесенью. Жутко болели руки, ноги, спина. Ладони успели украситьсь первыми мозолями. М-да, в «Изумрудной Долине» и то проще было, кажется. Там хоть над душой никто не стоял.

Несколько девушек разнесли миски с едой, а потом пара двоехвостов подала каждому по кружке с горячим ароматным напитком. Айна отметила, что почти все люди в первую очередь набросились на напиток. Она же решила сначала попробовать еду. На ужин оказались отварные овощи, напоминающие картофель, и кусочек мяса. Пленница смела всё это враз. Потом отхлебнула из кружки. Приятно закружилась голова, кажется, впервые за день можно расслабиться... Айна покосилась на Сару, брюнетка лежала в нескольких метрах от неё и рассматривала что-то на потолке пещеры. Что она там видит? Прошное? Будущее? Шоу, затянувшееся на всю жизнь?

Ведущая Радужного канала отставила кружку.

– Не пейте, – прошептала Гельве и Кони.

– Что?

– Не пейте это. Вылейте потихоньку. Вы заметили, что еду разносили рабыни, а питьё – сами двоехвосты? А Сара, брюнетка, сказала мне, что ничего не помнит из прошлой жизни. Я думаю, они опаивают пленников какой-то дрянью.

Гельва ахнула и отставила кружку.

– Мы никогда отсюда не выберемся, – простонала она, сворачиваясь клубочком на грязном коврике.

Айна вздохнула. Легла и прислушалась. Издалека, пробиваясь сквозь шорохи в пещере, доносились странная мелодия и... песни? Она привстала. Двоехвост-охранник у выхода пританцовывал и потихоньку напевал ту же мелодию. И всем своим видом как бы говорил, что не желает торчать здесь, а хочет петь и танцевать с соплеменниками. Но – служба есть служба.

Айна задумалась. Судя по всему, двоехвосты не то чтобы цивилизованны, но близки к этому. И при хорошем раскладе можно было бы дружить мирами. Если бы голубоглазые «господа» встречали людей как гостей, а не как рабов. А может, на то есть причина? Она хотела ещё поразмышлять о цивилизациях, но ей помешали. Измученная Гельветика заснула очень быстро, чем тут же воспользовался Кони.

– Айна, – он придвинулся к ней, зашептал на ухо, – я давно хочу сказать. Я всё ещё люблю тебя. С Гелькой связался по дурости. Послушай, нас ведь убить завтра могут...

Он положил руку на её плечо. Айна отодвинулась.

– Ты что это надумал?

– Ну... Ты и я. Мы тогда так нелепо расстались. Ты обиделась на меня.

Айна устало вздохнула. Прикрыла глаза.

– Я не обиделась, я потеряла к тебе интерес. А за то время, что мы не виделись, я шагнула вверх на пару ступеней, ты же остался на прежней, и потому неинтересен мне вдвойне. А теперь ложись спать!

Она проснулась от воплей Гельветики. Рыжая пищала, кричала, размахивала руками, а сверху сидел двоехвост и срывал с неё остатки зелёных лохмотьев, временами отвлекаясь, чтобы дать пощёчину и заявить:

– Раба! Слушаться!

Айна осторожно поднялась, пнула в бок спящего Кони.

– Простите, – обратилась она к скрутившему Гельву двоехвосту, – вам известна разница между работниками и проститутками?

– Молчать! – сказал ей двоехвост.

Чья-то пушистая рука легла на плечо. Сзади стоял ещё один.

– А ты, стало быть, по мою душу...

Она попятилась, лихорадочно соображая, как же им выпутаться? Рвать траву ещё куда ни шло, но это! Айна огляделась в поисках помощи. Кто-то спал, кто-то притворялся, кто-то безропотно удовлетворял господинов. В пещеру зашёл новый двоехвост, протянул охраннику блестящую жёлтую кругляшку, огляделся, с сожалением скользнул взглядом по Айне и пошёл в глубь пещеры. Проснулся Кони и ошарашенно смотрел то на Гельву, то на Айну, либо решая, кого спасти первой, либо гадая, нет ли среди двоехвостов похотливых самок.

Айна упёрлась в стену пещеры. Её преследователь медленно подходил всё ближе и ближе. Он казался моложе остальных, и от него пахло иначе – одними только травами, без примеси пота.

– Почему? Мы ведь разные. Вы – не люди, а мы – не такие, как вы. Мы не должны... И это... у вас что, своих баб нет?

– Не бояться, – двоехвост остановился в полушаге от неё, ярко-голубые глаза смотрели ласково, они действительно не вызвали страха, но ведь кроме глаз были ещё гадкие хвосты и лапы, и они тянулись к ней. – Тебя выбрать Величие. Спать на перина.

– На перина? Я что... уйду отсюда?

– Да.

– И не вернусь?

– Нет.

– Очень мило, – пробормотала Айна, пытаясь оттянуть время, чтобы придумать хоть что-нибудь. – А Величие – это кто?

– Идём! – Он взял её за руку.

– Пойдите! Если я не вернусь, можно попрощаться с друзьями? Наедине. Пожалуйста, пусть этот ваш отпустит Гельву! Ненадолго. Я ведь могу не увидеть их больше. Дайте мне пять минут. Прошу.

Двоехвост задумался на миг и сделал знак товарищу, тот нехотя слез с рыжей, пригладил шерсть. Айна вывела друзей из пещеры, отвела на несколько шагов, обняла обоих. Двоехвосты остались внутри.

– На счёт «три» бежим, – прошептала она. – По широкой тропе. В сторону склона, с которого нас скатили. Выход должен быть где-то там, я чувствую.

«Ничего я не чувствую, но, может быть, нам повезёт. А если нет, то лучше сдохнуть, чем остаться здесь».

– Гельва, ты сможешь?

Рыжая молча кивнула. Выглядела она на удивление собранно и спокойно.

– Раз. Два. Три!

Они побежали.

Айна впереди, Гельва и держащий её за руку Кони чуть позади. А за ними – двоехвосты. Сколько их бросилось в погоню? Только та пара, что претендовала на них с Гельвой? Ещё и охранники пещеры? Или все хвостатые самцы побросали своих жертв и устремились за дерзкими беглецами?

Они мчались, не оглядываясь. Кони подхватил Гельву на руки и теперь бежал рядом с Айной. Склон уже маячил перед глазами. Какой же он крутой! Двоехвосты, небось, каждый день по нему лазят, привыкли, а они... Ох, не видать им свободы. Разве что чудо случится.

Раздался свист. Айна промчалась ещё несколько метров, прежде чем сообразила, что Кони больше не бежит рядом – упал, скошенный хвостом-плетью. Она развернулась, чтобы помочь, зная, что помочь уже не сможет, и тут в глаза ударил свет. Настолько яркий и непривычный для этого места, что Айна закрыла лицо руками. А когда вернулось зрение, оказалось, что двоехвосты все как один бросились прочь и застыли метрах в десяти от своих жертв.

«Господа не любят света».

– Бежим! – закричала она Гельве и Кони, всё ещё лежащим на песке. – Туда! К свету! Быстро!!!

Они поднялись, Кони сильно хромал, Гельва тряпичной куклой висела у него на руке. Похоже, двоехвосты успели над ними поработать. Только бы не погас свет. Пока он горит, они в безопасности.

Айна добежала до склона первой. Принялась карабкаться, забыв про усталость, цепляясь за кустики, за землю, за воздух – лишь бы добраться до вершины. Что бы ни было источником света, находится оно именно там – вверх.

Скользнуло шершавое по плечу. Верёвка! С широким ремнём на конце. И её кто-то сбросил. Сверху. Айна спешно закрепила ремень на поясе, не веря такой удаче.

– Возьми меня с собой! Пожалуйста!

Беглянка обернулась и увидела Сару. Откуда? Впрочем, неважно. Потом. Все вопросы потом. Кони с Гельвой ещё не добежали до склона. Спасательная соломинка одна. Значит – подняться двоим, а потом сбросить её для оставшихся. И проследить, чтобы не погас свет. Она обхватила Сару за талию и изо всех сил дёрнула за верёвку.

Через несколько минут они были наверху. Айна не удивилась, увидев оранжевую куртку с красными вставками, но... Что это? Седеющие волосы, морщинки у глаз и возле рта, крупные черты лица, холодный, слегка надменный, но уставший взгляд.

– Вы... Вы... – Она с изумлением смотрела на техника. – Вы как-то изменились с нашей последней встречи!

– Я просто хотел взглянуть на вас, Айна Лири. Не бойтесь, я обещал коллеге, что верну вас домой целой и невредимой.

– Но вы не сильно-то торопились на помощь!

– Сказал же: хотел на вас посмотреть.

– Вы что же, просто сидели и... А если бы мы не сбежали?

– Открыл бы порт в другом месте.

– Вы ужасный человек.

– Возможно.

Айна расстегнула ремень, с негодованием швырнула под ноги технику.

– Спускайте верёвку!

– Зачем?

– Там мои друзья!

– Рыжая стерва и бывший, от которого тошнит.

– Я вижу, вы давно на меня «смотрите».

- Ты уверена, что хочешь забирать их с собой?
- Спускайте! Верёвку!
- Как скажешь. И не волнуйся так. Пока открыта кабина, ни один двоехвост к ним не приблизится.
- Господа боятся света, – протянула Сара.
- Именно, – кивнул техник, бросая снаряжение для Кони и Гельвы.
- Айна обессиленно рухнула на землю.
- Почему ты сбежала с нами? – спросила она у Сары.
- Не знаю. Я что-то вспомнила. На одну секунду. И этого хватило, чтобы пойти за вами. Я бежала за двоехвостами, не обгоняя их. Они меня не видели. А когда вспыхнул свет, поняла, что нам ничего не угрожает, и уже смело бросилась к склону.
- Айна молчала. Потом. Она обдумает всё потом.
- Техник с помощью странного устройства, на которое автоматически наматывалась верёвка, втащил на вершину Гельву и Кони. Затем отнёс своё оборудование в кабину, вернулся к людям.
- Прошу за мной!
- Айна! – Гельветика взяла её за руку. Она еле стояла на ногах, говорила тоже с трудом, от одежды остались даже не лохмотья, так – обрывки ткани, почти не прикрывающие тело, изукрашенное синяками и кровоподтёками. – Прости меня.
- Гельва, пожалуйста, потом.
- Нет. Послушай, я не верила тебе, завидовала, но... Когда мы вернёмся, всё будет по-другому. Я уже не смогу быть прежней. Ты увидишь.
- Хорошо, Гельва.
- Я была глупой. Плохо к тебе относилась. Я такое сделала... такое... ужасное... Боюсь, ты не простишь.
- Всё в прошлом, дорогая. Всё забыто. Честное слово. Вы! – Она удостоила техника взглядом. – Дайте девушке куртку!

Глава четвёртая. Мечта

Дома хорошо. Дома нет мертвенного ночного светила и двоехвостов. Всё выверено под её желания, рост и длину рук.

Айна лежала в ванне. Она уже сменила воду с солью, воду с розовым маслом и теперь вдыхала аромат винограда. Боты отказались в третий раз портить кожу грубой мочалкой. Айне постоянно казалось, что на теле остался песок и отпечатки лап. Некстати вспомнился Родни, сторонившийся грязной одежды. Теперь она его лучше понимала. Сама бы к себе не прикоснулась.

Потягивать холодный сок в тёплой ванне – блаженство. Мыльная пена на коленках – роскошь. И кто скажет, что она недостойна этих благ, что она их не заработала? Айна усмехнулась. Для миллионов людей это всё привычное окружение, вещи по умолчанию. Только она может считать их благом. Она – и ещё с десятков людей.

Надо вылезать. Всю грязь не смоешь.

– Сушить.

Где-то на границе слышимости пищал коммуникатор. Обойдутся.

Тёмно-фиолетовый шёлк заструился по телу. Айна подмигнула зеркалу и вышла из ванной. Длинный коридор привёл в любимую белую комнату – с мягким диваном, антикварной лампой на тумбочке, огромной шкурой на полу. Здесь искрились все оттенки белого, их царство нарушали строгие графические картины и гигантское панорамное окно. Хорошо было стоять на границе твёрдого пола и пустоты, упираясь лбом в стеклянную стену. За ней перемигивался город.

Высотка стояла недалеко от залива, по чёрной воде сновали красные, оранжевые и золотистые пятна яхт и катеров. Дальний берег терялся в тумане, стихия воды в короткие ночные часы дружила со стихией огня, устраивая зыбкую иллюминацию на волнах. Там, внизу, люди катались, развлекались, смеялись, пили игристое вино, жили полной жизнью. Прекрасный яркий мир, у которого существовала мрачная изнанка.

От стекла шёл холод, и Айна перебралась на диван. Новый режим работы быстро расслабил её. Готовить одну программу в неделю – не вставать ежедневно в пять утра. Можно засидеться вечером или понежиться утром в постели. Или вообще никуда не пойти и подбирать очередной материал на мягкой шкуре или в закатном кабинете.

– Экран.

С потолка спустился мультивизор, забормотал светской хроникой. Айна лениво щёлкала пальцами, перебирая каналы. В «Доме с зеркалами» опять кого-то напугали до потери сознания, у Матиксы вновь увеличилась грудь, завершилась марафонская гонка на воздушных шарах, биолог Сара Эндель, пропавшая более года назад, вернулась домой.

Айна улыбнулась, увидев лицо спасённой женщины. Биолог, значит? Год назад пропала? Очень любопытно. Вряд ли потерялась из-за сбоя в лифте, скорее уж в экспедицию отправилась. Весьма неудачную. Надо копнуть, вдруг...

Стоп. Это ещё что?

– ...и тогда я стала жертвой пост-эманаций. Мне, знаете ли, по долгу службы приходилось брать интервью у любителей глэк-трипов, – Гельветика выглядела удручённой, даже рыжие волосы потускнели, – но я никогда не думала, что поймаю эту жуткую волну.

– Итак, напоминаю: в стриме программа «Скандалы и расследования». Сегодня мы разбираем шокирующее бриз-шоу Айрилл. Фантазии или глэк-трип? Что заставило некогда популярную ведущую кормить зрителей кровавыми историями? С нами эксперт в студии Трин Колай. Здравствуйте, Трин.

– Добрый вечер.

Вновь зажужжал коммуникатор. Айна нашарила аппарат.

– Я.

– Айна! Айна, прости! Это не должно было выйти! Я не успела отменить! – кричал динамик голосом Гельки. – Мы как раз провалились в эту чёртову дыру, и программу запустили. Я же не знала!

– То есть это ты меня заказала?

– Я же не знала, что всё так бывает! Хочешь, возьмём стрим по воспоминаниям о двоих хвостах? С ипо будет не всё хорошо, но так мы покажем...

– Гельветика, я не хочу тебя слышать.

Комм пискнул, отключаясь.

– Вероятнее всего, мы столкнулись с нереализованными желаниями Айрилл. Глэк-трип притягателен именно возможностью сбросить груз, почувствовать себя другим человеком. Напомню, это – далеко не безвредное развлечение, существуют и другие методики...

– Спасибо, это был эксперт в студии. Итак, ведущая Радужного канала Гельветика Сандерс оказалась в числе пострадавших из-за фантазий старшей коллеги.

Старшей коллеги. И возраст ненавязчиво подчеркнули.

– После рекламы узнаем, были ли другие жертвы. Оставайтесь с нами.

Вновь зажужжал коммуникатор.

– Я же сказала – не хочу тебя слышать!

– Айрилл?!

– А, это ты, Родни. Привет.

– Кажется, ты в курсе, – бывший продюсер сожалел, что не ему выпало поведать жареную новость.

– Ещё бы я не в курсе! – в голосе прорвались истерические нотки, и Айна поспешно сбавила обороты. – Надеюсь, ты позвонил не только по поводу шикарной сплетни?

– Понимаешь, Радужный канал не может просто так всё спустить. В общем, мистер Крпер рассчитывает, что ты не будешь давать интервью другим каналам.

– Конечно.

– И придёшь завтра на эксклюзивное интервью в наше бриз-шоу.

Айна замерла. Оказаться в роли приглашённой звезды на стрим-площадке, которой отдала столько лет? В другое время она бы согласилась не раздумывая.

– Только не завтра. Мне надо привести себя в порядок. Представь, что узреют наши дорогие снителы, если я не отойду от нервного потрясения. И как это отразится на репутации канала. Послезавтра.

– Вот и умничка. Как раз бурление на максимум выйдет, да и...

– Родни, дорогой, избавь меня от этих подробностей. Целую.

Она выключила связь. Коммуникатор пошевелился в руках, принимая сообщение. Красная розочка от Кевина. Не оставляет надежды переманить к себе. Ещё звонок. Пошли вон. Ещё один. О да, она популярна. И эти тоже пошли вон. Гельветика. Не хватало вновь её слушать.

Бедный аппарат отправился под шкуру и оттуда приглушённо жаловался на жизнь. Айна сняла кулон с индикатором ипо. Он ежесекундно менял оттенок, повинаясь высказанным где-то мнениям, заявлениям и ещё бездне факторов. Медитативное занятие, если вдуматься.

Индикатор светился зелёным, меняя оттенки от нефритового к изумрудному, от малахита к оливковому, от мяты к цвету воды в тропической лагуне. Айна щелчком пальцев убрала экран. Дальше смотреть наигранную передачу скучно. Наперёд ясно, как именно её будут поливать, а видеть «унылую» Гельку, сияющую искорками торжества, противно.

Ещё около получаса Айна развлекалась чтением обсуждений и в очередной раз умилялась, как прекрасно тысячи незнакомых людей осведомлены о её личной жизни. Нашлись свидетели глэк-трипов, эксклюзивный дилер в клубе «Вечное сияние», развесёлая компашка стар-

теров, опознавших её в «таинственной блондинке, приходившей к ним не так давно». Кто-то подвязал её новую передачу к безумным фантазиям, кто-то уверенно говорил, что Айна Лири старательно выдумывает всех этих псевдоисторических персонажей, завистницы в очередной раз назначили её любовницей исполнительного директора Радужного канала, который замял дело после выходки на бриз-шоу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.